ЗНАМЯ НОКДАРА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

ЛИНА КАМАР

Лина Камар

Знамя Нокдара

«Автор»

2026

Камар Л.

Знамя Нокдара / Л. Камар — «Автор», 2026

Муавию изгнали из родного дома и бросили умирать в пустыне. Она думала, что это её конец. Но вождь орков, под властью которого находится весь континент и при чьём упоминании имени содрогаются все племена и королевства, нашёл её измождённой и присвоил себе, сделав своей законной супругой. Гхаар нуждается в сыне, который продолжит его путь и исполнит древнее пророчество. Она нуждается лишь в одном — выжить в пустыне, в окружение варваров и дикарей, жаждущих её смерти. Единственный, кто может её защитить, сам Гхаар, чья кровожадность порой пугает даже его собственное племя. Но его сердце опутывает тёмной нитью другая женщина, что лишает жизни их ребенка одного за другим, желая разрушить их брак, переставший, в какой-то момент, быть для них разрушительным. И лишь единственный живой ребёнок Муавии способен изменить печальную судьбу своих родителей, но для этого ему придётся вернуться к самому началу.

© Камар Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 глава 5
2 глава 11
3 глава 15
4 глава 20
5 глава 25
6 глава 31
7 глава 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Знамя Нокдара

1 глава

Её босые ступни жалил раскалённый песок, но она почти не чувствовала боли. Она не уступит той, что раздирала изнутри. И никакие ужасы этого измерения не могли сравниться с этим. Даже находясь в этой забытой Богом пустыне, её душа всё ещё находилась в зале суда, в тот момент, когда приговор прозвучал в её ушах, а руки палача в одно мгновение безжалостно отрубили ей крылья. Нет, это место не так страшно.

Да, воздух здесь был спёртым, сухим. Он обжигал горло и лёгкие. Каждый вдох давался с трудом, так как песок оседал в груди. Она не могла укрыться от бесщадно сбивавшего её с ног ветра, поэтому постоянно падала лицом в землю и глотала песок. Но это не приносило ей больше страданий, чем она уже успела пережить. Царя Сириуса, без сомнения, осчастливило бы её положение, но, к его досаде, ему остаётся лишь довольствоваться мрачным удовлетворением, питаемым собственными домыслами. Он вырвал её крылья и изгнал из Небесного Царства в иное измерение, но это не самый ужасный его поступок. Всего этого для наказания ему показалось малым, и чтобы у неё совсем не оказалось возможности выжить на чужой земле, он лишил её магии. Тот злополучный день невольно стоял у неё перед глазами. Она хотела бы это забыть, но не могла…

«— На основании предоставленных мне прав, как вашему правителю, я приговариваю Муавию дома Фауздесис к лишению крыльев, проклятью Местиус и сбрасыванию в чёрный туннель, — прозвучал у неё в голове хладнокровный голос её палача. — За царскую измену, покушение на жизнь принца Юстиуса и кражу его магического ядра! Пусть каждый, кто осмелится противиться моей воле, объявит об этом тотчас же и разделит её участь».

Совет не одобрил бы решение о её казни, поэтому Сириус не стал её убивать. Но он поступил иначе, не обидев ни себя, ни их. Он лишил её идентичности и единственного дома. Брошенные в чёрный туннель сильфы ещё никогда не возвращались обратно. Это мост между мирами. Никогда не знаешь, каким будет твоё приземление и куда тебя занесёт. А у неё, будучи элементалом, потерявшую возможность колдовать, почти не оставалось шансов на выживание в чужом мире.

Муавия не помнила, сколько прошло времени с тех пор. Возможно, всего час, день или пару суток. Но этого времени оказалось достаточно, чтобы у неё иссякли силы. В последний раз взглянув на серое небо, затянутое мутно-жёлтой пеленой, девушка, почувствовав, как силы покидают её, упала на колени. Она не могла позволить себе умереть здесь, в полном одиночестве. Не хотела. Но здесь не было никого, кто мог бы ей помочь. В этом месте будто бы отсутствовала сама жизнь.

Муавия спрятала в ладонях собственное лицо, спасая его от обжигающего ветра. Впервые он причинял ей боль. «Интересно, последствие ли это проклятья, наложенного царем?!» — промелькнула у неё в голове неутешительная догадка. Неужели и сам ветер отвернулся от неё, вслед за теми, кого она когда-то считала друзьями.

Чувствуя, как разрывается сердце от досады, она сжала горячий песок под пальцами и глубоко вдохнула. Единственное, чего ей хотелось — лечь в свою постель и зарыться глубоко под мягкие одеяла. Разве она заслужила того, чтобы у неё отняли даже это? Почему именно ей приходится проходить через эти круги ада? Муавия едва сдержала стон, представляя, как, наверное, сладко спит в своей постели тот, из-за которого все это началось.

— Грррр! — животный рык, прозвучавший совсем неподалёку от неё, едва не оглушил её.

С трудом подняв голову, она принялась лихорадочно заводить упавшие на лицо пряди волос назад. Возможно, именно их яркий блеск привлёк внимание этой твари, но что-то менять было уже поздно. Поднявшийся в воздухе песок не позволил хорошо его разглядеть, но его очертания были ей знакомы. Это существо напомнило ей дракона, хотя его черты были лишены его благородства.

Вытянутая морда этого существа опустилась и из его раскрытой пасти, заполненной зубами, вышел запах разлагающегося мяса. Проглотив крик, девушка отползла назад, царапая руки о чёрные камни. Её тело словно одеревенело от ужаса. Она не придумала ничего более умного, как зажмурить веки. А потом чей-то горячий, шершавый язык лизнул её по лицу. Девушка нерешительно приоткрыла одиз глаз, а потом другой, ошеломленно уставившись на довольную морду чудища. Он смотрел на неё так, как смотрит ребенок на мать. Подумать над этим ей не позволил шум его за спиной. Пространство буквально вибрировало от множества мужских голосов. Муавия заставила себя запрокинуть голову и посмотреть на них. Чудище, словно по команде, всем телом опустилось на песок рядом с ней и в тот самый момент она столкнулась с черными как мгла глазами его наездника. Он, кажется, все время наблюдал за ними из высока. Покраснев до кончиков ушей, она попыталась встать с песка, чтобы поздороваться с этим…мужчиной и попросить о помощи. На самом деле, он выглядел так, что последнее, чего от него можно ожидать, это как раз именно этого.

Но когда он уверенно спрыгнул вниз, удерживая в одной руке топор, вся уверенность и вера в него спала. «Господи, смерть от его руки была бы не такой лёгкой, как например…от зубов его питомца…» — подумала она почти с сожалением. Его взгляд, острый, как у хищника, не предвещал ничего хорошего. За ним со своих зверей соскользнули другие всадники. Среди них всех он был самым высоким и большим — и самым страшным. Мышцы под его зелёной кожей напряглись, когда он грубо оттолкнул морду своего чудища от её лица. Оно издало недовольное, низкое ворчание, но всё равно послушалось и отошло в сторону.

Сильфида сжалась, когда мужчина в один шаг пересёк разделяющее их расстояние. Она не успела опомниться, как его большая и сильная рука схватила её за волосы и подняла в воздух. В тот момент её голову словно пронзили тысячи игл, вынудив издать приглушённый вскрик. Глаза застилала пелена острой, невыносимой боли. Ей показалось, что он вырвал ей все волосы. Девушка вцепилась в его руку тонкими пальцами, отчаянно пытаясь высвободиться, но сумела лишь слегка оцарапать кожу. Она безвольно болталась в воздухе, словно тряпичная кукла, отчаянно тратя последние крохи сил на бессмысленную борьбу с ним.

Сквозь звон в ушах сильфиде удалось расслышать рычащие звуки. Это были слова. Он обращался к ней, но она не понимала его языка. Когда их лица оказались друг напротив друга, она смогла лучше разглядеть его вблизи. Его лицо было исполосовано рубцами, свежими и старыми. К тому же он оказался слепым на один глаз, тот был затянут белёсой пеленой. Из нижней челюсти выступали клыки, слегка изогнутые кверху, цвета слоновой кости. Муавия не вынесла его тяжёлого взгляда. Она, ужаснувшись увиденному, совершила ещё одну проваленную попытку выдернуть свои волосы.

В конце концов, руки сильфиды медленно опустились вдоль тела. Она обмякла в его руках, перестав сопротивляться. Слегка встряхнув её, он снова зарычал, но так и не добился ответа. Её серебристо-серые глаза закатились. Последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в темноту, — это прожжённое, жёлтое небо.

Разгневанный орк перекинул бессознательное тело девушки поперёк спины вурма. Тот в ту же минуту обеспокоенно заскулил, мокрым носом уткнувшись в её бедро. Он ещё никогда не подпускал к себе никого, кроме своего хозяина, того, кто завоевал его уважение в равном по силе бою. Именно тогда пролилась их общая кровь и вскоре они стали братьями. Но сейчас он в обычной своей манере, не пытался сбросить или разорвать чужака на себе. И это не из-за страха и уважения перед своим хозяином. Гхаар заметил, как Тхул все время принюхивался

к чему-то и только увидев его, облизывающего лицо чужачки, он понял, чей именно запах привлек этого свободолюбивого зверя и не оставлял в покое половину пути.

Несколько раз в успокаивающем жесте похлопав вурма по боку, орочий вождь повёл своих озадаченных воинов в глубину пустыни. Его взгляд лишь пару раз опустился на девушку, не похожую ни на орчиху, ни на эльфийку или кого-либо ещё из известных ему рас. Её волосы излучали странное голубоватое свечение, а кожа у неё была такая тонкая и прозрачная, что он мог разглядеть её сине-зелёные нити жизни. Она словно голубой маяк посреди безжизненной пустыни. Воины заметили это дитя ещё далеко отсюда. Её сияние привлекло их и не оставило без внимания его самого. В памяти Гхаара ожил обрывок древней легенды из рассказов шамана Хагга — о звезде, упавшей с небес на безжизненные пески. Ее магия пропитала землю и та стала плодородно, какой никогда не была раньше.

— До племени ещё ровно две бури, Гхаар, — подъехав к вождю, сообщил Зорг — капитан военной дружины.

На его поясе висел тупой тесак. Засохшая кровь всё ещё блестела на чёрном металле, напоминая о недавней битве.

Гхаар сжал пальцы на грубой чешуе своего вурма, рассматривая голые окрестности пустыни. Поблизости не было видно пещер, но по его расчётам, одна всё же неподалёку есть, и до неё ещё несколько часов пути. Распрямив затёкшие плечи, он приказал ждать указа, но Зорг не отходил. Между ними повисло недолгое молчание, прежде чем капитан решился и озвучил свою мысль.

— Что ты будешь делать…с этой женщиной? — указав кивком головы на распластавшуюся по спине вурма сильфиду, бесстрастным голосом спросил он.

— Повезу в племя, — ответил Гхаар. Она лежала неподвижно, как мертвец. Её длинное платье, сшитое из странной ткани, задралось до самых икр, оголяя тощие ноги. По меркам орков она не была привлекательной, скорее уродливой, а кожа её была нежной, молочного оттенка и блестела, словно алмаз. Этот ребёнок не привлекал его как женщина, но взгляд Зорга, обращённый на неё, ему не понравился. — Пусть шаман сам решит, как с ней поступить.

— Ты знаешь, пустыня не щадит даже собственных детей, — продолжил капитан, не замечая настроения вождя. — Она давным давно должна была погибнуть. — Зорг изучал её затуманенным взглядом, словно находился в каком-то трансе. — Удивительно, как она все осталась жива, — потом, словно опомнившись, добавил:

— Твой вурм не любит чужаков и не подпускает к себе никого, кроме тебя. Но я и мои воины свидетели, вместо того чтобы загрызть эту женщину, он преклонился перед ней…

— Вернись к воинам и успокой их, — перебил его Гхаар, ударив вурма ногой по боку, чтобы тот поспешил. — Хватит чесать языком.

Зорг, склонив перед ним голову, послушно развернул своего зверя. Путь был долгим и трудным, мужчины устали и нуждались в привале, хоть и не показывали этого друг другу. На этот раз песчаные скитальцы выжали из них почти все соки, но им удалось взять над ними верх. Не обошлось без потерь. В бою пало почти половина орков из пламени Дарк Барр. Враги по численности перевешивали их самих. Вождь подозревал, что кочующие племена объединились против своего общего врага. И это не последняя их атака. Но прежде чем выступить в очередную вылазку, Гхаар должен был дать своему войску время на зализывание ран.

Песок взметнулся в небо, закружил вихрями, а дюны оживились, меняя очертания. Приближалась буря, а до ближайшего укрытия ещё далеко.

— Встать в круг! — зарычал он, успокаивающе похлопав встрепенувшегося вурма по чешуйчатой броне. — Раненых в центр, остальные по краям! Тхул, — обратился он к зверю. — Яашх, — и тот улёгся, подав сигнал своим сородичам.

Вурмы синхронно встали каждый в свой ряд и, издав приглушённый гон, зарылись в пески. Гхаар накрыл своим тяжёлым телом сильфиду и прижал к её лицу влажную тряпку,

чтобы песок не осел в бронхах. Так орки укрывались от бури, если поблизости не оказывалось пещер или скал. Его армия расположилась на подветренной стороне бархана, где ветер дул слабее. И если бы им удалось выбраться отсюда живыми и не быть погребёнными под песком, судьба этого ребёнка сложилась бы иначе, не окажись он рядом.

Гхаар не шевелился. Его тело попрежнему прикрывало сильфиду, и он чувствовал, как редко, но ровно поднимается её грудь под его весом. Длинные волосы девушки ниспадали на маленькое, чуть вытянутое лицо, скрывая длинные белоснежные ресницы, прямой нос (не крупный, с лёгкой горбинкой) и губы — маленькие, с чётким изгибом. А глаза, он помнил их цвет, — они словно сталь, из которой выкован его топор. Гхаар невольно задержал взгляд на её ушах — небольших, с мягко закруглёнными кончиками. Не человек и не эльф. Вопрос «кто она?» застрял в сознании, поднимая волну раздражения в груди.

Песчаный вихрь бушевал ещё несколько часов. Вурмы, несмотря на усталость, стойко удерживали оборону, защищая своих наездников от затяжной бури. Их массивные тела наполовину были зарыты в песок. Толстая кожа орков смягчала удары ветра и спасала их от засухи. Благодаря этому им удалось пережить бурю, и они снова отправились в путь.

К рассвету орда орков добралась до карстовой пещеры. Воины оставили своих вурмов у входа. Гхаар подхватил девчонку за тонкую талию и небрежно перекинул через плечо. Он не чувствовал её веса на себе, словно та была создана из воздуха. Возможно, это недалеко от правды. Тхул бросил на него настороженный взгляд, но промолчал. Орк лишь угрюмо усмехнулся, потрепав его чешуйчатую морду на прощание.

Факелы вспыхнули один за другим. Воины углублялись в пещеру, и их тени метались по каменным сводам. Гхаар внимательно осматривал стены, изрезанные бороздами: по ним медленно стекали солёные капли — сейчас это был их единственный источник питья. Над головами нависали сталактиты — тонкие, хрупкие, с опасно заострёнными концами. В каменных впадинах у ног поблёскивали лужи, и несколько орков уже черпали из них воду в кожаные бурдюки.

Лагерь разбили чуть дальше от входа. Проход был достаточно широк, чтобы вместить всех воинов. Гхаар, оставив их позади, последовал вглубь туннеля. Ему уже знакома эта пещера. Она принимала его у себя не раз и не два. Ноги сами несли его в уже знакомое укрытие. И чем дальше проходил орк, тем сильнее холод пробирал его кости. Даже он, закалённый воин, чувствовал ледяное дыхание пещеры у себя на затылке. Так что Гхаар не удивился, когда тело женщины напряглось у него на плече. Мерзлота вытянула это дитя из темноты. Её пробивала жуткая дрожь, и сколько бы она ни пыталась скрыть своё пробуждение, стук зубов выдавал её с головой.

Муавия до крови прикусила губу, когда он грубо спихнул её с себя на землю. Несмотря на кромешную тьму, ей удалось хорошо рассмотреть великана. Благо, царь не отнял у неё ночное зрение. В анатомическом плане он выглядел почти как человек из старинных летописей сильфид. Но по сравнению с людьми, он был во много раз массивнее, с клыками и оливковым окрасом. Уродливые рубцы на лице, ослепший левый глаз придавали ему дикий, первобытный вид. На первый взгляд — дикарь, почти что зверь. Но то, как он смотрел: внимательно, оценивающе — выдавало его истинный облик разумного и собранного мужчины. Её размышления прервал шорох ткани. Он раздевался, стягивая с себя верхние одежды. Сердце девушки упало в пятки от ужаса.

— Укройся, — бросив у её ног кожаную тунику, прорычал тот.

Сильфида снова не поняла ни слова на его языке. Но это было и не нужно. До неё, хоть и не сразу, но дошло то, чего он от неё потребовал. Натянув ткань до подбородка, она вдохнула терпкий запах мужского пота и песка. По её телу прошла приятная нега — тепло, исходящее от его одежды, растеклось вдоль тела, почти сняв всю усталость. Орк внимательно наблюдал за ней, не проронив ни слова. Он не мог не заметить её удовлетворение.

— Спасибо, — дрожащим голосом поблагодарила его сильфида, прижав правую ладонь к груди и опустив голову как можно ниже. Муавия не была уверена, видит ли он её в темноте так же хорошо, как и она его.

Мужчина фыркнул, положив руку, некоторое время назад чуть не вырвавшую все её волосы, на рукоять топора. Этот жест показался ей опасным — перед глазами почти сразу возникла жёсткая сцена расправы. Сильфида кое-как удержала себя от того, чтобы не дёрнуться в сторону. Он всё равно бы нагнал её. Нет смысла бежать, по крайней мере, сейчас. В последний раз бросив на неё оценивающий взгляд, тот развернулся и ушёл, оставив её одну.

Шаги мужчины отдавались глухим эхом в пещерных сводах. Гхаар не мог всё время оставаться со своей пленницей. Он вождь. У него есть обязанности и войска, которые нуждались в командовании. Позже, конечно, он вернётся к ней. Вдруг она сбежит и потеряется в лабиринтах этой пещеры?! Даже ему не удастся найти её в этих многочисленных туннелях, если это произойдёт.

Но Муавия, измученная долгим путешествием по пустыне, её зноем и холодом в пещере, даже не могла помыслить об этом. Кожаная туника не согревала её полностью. Она всё ещё дрожала, подобно струне зачарованной арфы, что стояла в небесном дворце. В её горле поселилась лёгкая тошнота и она сморщилась. Её желудок свело от голода.

Некоторое время тишину в пещере разбавляло бурчание желудка сильфиды, пока к нему не присоединился низкий гул, не имеющий к нему никакого отношения. Она прижалась к стене, бегло разглядывая потолки, откуда сыпалась известь и камни. А гул тем временем нарастал, превращаясь в рокот. Подсознательно Муавия понимала, что звук исходил откуда-то поблизости, и от этого не было легче. Вскоре неутешительные подозрения девушки подтвердились. Сбоку от неё сполз гигантский скорпион, покрытый кристаллическими наростами. Его жало опасно нависло прямо над её головой. Она замерла, боясь сделать даже вдох. Любое лишнее движение могло для неё плохо кончиться. Холодный пот пробежался по спине. Сердце сжалось в груди, а затем принялось биться с бешеной скоростью. Она молча молилась, чтобы чудище не заметило её присутствие и отползло оттуда, откуда пришло. Но молитвы сильфиды не были услышаны.

Гигантский скорпион зашипел, активно потирая хелицеры. Его клешни потянулись прямо к ней, чтобы разорвать её в клочья и, возможно, сожрать. Муавия, оторвавшись от оцепенения, попыталась нащупать что-нибудь, что помогло бы ей отбиться, но хватала лишь известь, что рассыпалась у неё в ладонях словно песок. В панике она не заметила, как мрак туннеля осветил яркий факел и скорпион с диким шипением отступил.

Гхаар зарычал словно дикий зверь, прыгнув на него с топором. Одним резким движением он отсек ему грудные ноги и тот большой массой свалился на землю. Муавия, прижавшись спиной к стене, с замиранием сердца наблюдала за смертельной битвой, разворачивающейся перед её самым носом. Исход его был предрешён и ясен, как рассвет в пустыне для воинов, что с яростным кличем наблюдали за своим вождём. Только сильфида не понимала их радости. В её глазах этот бой был неравным, но его войско не спешило ему на помощь.

Хвост скорпиона со свистом рассёк воздух, целясь в грудь орка, но тот успел вовремя увернуться — и жало с грохотом вонзилось в землю. Гхаар, не теряя ни секунды, бросил свой топор ему между глаз и взобрался ему на брюхо. Пещеру затряс глухой рёв. Муавия, прижав накидку своего спасителя к груди, замерла в ожидании. Клешнями пещерный монстр попытался разорвать своего зелёнокожего противника, но потерпел поражение, лишившись конечностей. Из глубины пещеры послышался очередной одобрительный гул, растворившийся в предсмертной агонии монстра. Вождь орков топором вскрыл ему брюхо, а потом безжалостно разорвал его ротовую полость на части голыми руками. Победу своего вождя орки встретили, яростно пробивая свою грудь. Звук ударяющейся плоти на мгновение оглушил сильфиду. Его

сила восхитила её, но и ужаснула. Сбежать живой от такого чудовища практически невозможно. А оставаться с ним она не станет.

Местиус — проклятие, изза которого использование магии наносит вред телу его носителя.

2 глава

Работа в пещере бурлила: орда орков готовилась к ужину. Кто-то с треском зажигал костры, высекая искры кремнем, чтобы поджечь трут, другие ловко разделывали огромного пустынного скорпиона, отсекая хитиновые пластины и выбирая более нежное мясо. По углам уже раскладывали кожаные одеяла — спальные места на ночь. В воздухе витал запах дыма, жареного скорпиона и мужского пота. Сильфида, спрятавшись в своем укрытии, тихо и с опасением ждала, когда их вождь наконец вспомнит о ней. Дрожа от страха и холода (терпимого лишь благодаря накидке своего похитителя), она обнимала себя за острые коленки и размышляла, как убежать из его зеленых лап и выжить в этой дикой пустыне. Муавия не была создана для таких суровых условий и даже не представляла, как это сделать. За своими размышлениями она совершенно упустила момент, когда он вошел внутрь туннеля, где оставил ее ранее наедине со своими мыслями и страхами.

Он обнаружил девушку в самом углу: она сжалась в комок, была укутана по самую макушку в его кожаную накидку и не двигалась, словно мертвое изваяние. Гхаар сдвинул косматые брови к переносице и неодобрительно качнул головой. В голове возникли тревожные подозрения, но подрагивающие ресницы развеяли опасения — она была жива.

Пройдясь по пещере тяжелым взглядом, он опустился на колени и принялся разжигать костер в их общем убежище. В голове настойчиво стучала одна и та же мысль: это следовало сделать с самого начала. Девочка оказалась куда слабее, чем он предполагал. Ее одежда совершенно не годилась для безжалостной пустыни — тонкие ткани и легкий крой не могли защитить от ночного холода в мерзлой пещере. А его кожаная накидка мало чем могла компенсировать недостатки ее одеяния.

Гхаар передал командование воинами брату Зоргу и приказал ему, как только будет готова еда, прислать воина с пищей для девушки. Он надеялся, что аромат свежеприготовленного мяса и тепло костра помогут ей прийти в себя. Но едва она услышала треск разгорающегося огня, тут же в мгновение ока отползла в самый дальний угол. Ее большие, широко распахнутые серые глаза смотрели на него с первобытным ужасом.

Перед ее взором всё ещё всплывали его сильные руки, за считанные секунды разорвавшие гигантского скорпиона на части. Она боялась стать его следующей жертвой. Кто знал, что у него на уме и для чего она ему понадобилась. Безусловно, он мог оставить ее помирать в пустыне, но забрал с собой. Но это не значит, что у него нет плохих намерений. В чем её польза?! У нее было столько вопросов, но языковой барьер в любом случае помешал бы ей их озвучить и услышать внятный ответ.

— Сядь у огня, — загремел он низким голосом, указав пальцем на полыхающий костер.

После недолгих раздумий девушка, заметив, что орк приходит в раздражение, робко подползла к указанному месту. Иначе он мог бы выйти из себя и насильно посадить ее у костра. В этом она была почти что уверена, судя по его жестоким наклонностям. По телу прошел морозок при воспоминании об их первой встрече. Корни ее волос всё ещё помнили на себе его сильную хватку и адскую боль, что она ей принесла.

Присев как можно дальше от своего спутника, девушка протянула руки к костру, на безопасном расстоянии от злобных язычков пламени. Тепло постепенно проникало в озябшие пальцы, вызывая приятное покалывание. Гхаар тем временем, словно грозовая туча нависал над маленьким телом девушки, наблюдая, как на ее лице мелькают огненные блики. Худое лицо, тонкие черты, болезненный тон кожи даже для белого человека, вызывал у него неприятный гул раздражения в груди. Он ненавидел слабость и ценил силу. Этот ребенок являлся олицетворением первого, чего больше всего презирали орки.

Ее прибытие в племя вызовет волну возмущения среди населения. Орки враждуют с людьми и эльфами сотни лет. Они не смогут принять ее как гостя и себе равную, скорее возненавидят и не успокоятся, пока она не будет публично обесчещена или зверски убита. В самом лучшем случае это дитя станет чьей-то наложницей или рабыней. Гхаар понимал, что она не проживет долго, ее разорвут на части к следующему месяцу. К тому же уже сейчас среди воинов, лишённых женской ласки в течение всего военного похода, есть те, кто возжелал ее, несмотря на всю неприязнь к человеческой расе.

За несколько часов пребывания в пещере он уже не раз становился свидетелем откровенных намеков и грубых шуток в ее сторону. Молва о деве с синими, словно утреннее небо, волосами разошлась по всему лагерю. Изголодавшихся по женской плоти мужчин сдерживал лишь страх перед ним, самым сильным и суровым вождем, чей авторитет распространялся за континенты. Еще не родился тот, кто мог открыто осмелиться претендовать на его собственность.

Гхаар сжал кулаки, рассматривая шелковистые длинные локоны своей спутницы, растекшиеся по его кожаной накидке. Он всё ещё помнил, какими мягкими они были в его ладони. Ни у одной орочьей самки нет таких волос. У них жесткие и колючие, словно листья саксаула. Сведя челюсти, Гхаар молча наблюдал за сильфидой, за ее неуверенными движениями и тяжелым дыханием. Она боялась его, но продолжала сидеть неподалёку, грея руки над огнем.

Гхаар медленно выпрямился, выпроставшись во весь рост, и тень от его массивной фигуры накрыла девушку целиком. Она почувствовала это кожей. Сжалась еще сильнее, но не отступила. Дыхание сбилось, стало частым, поверхностным. Она попыталась скрыть свое волнение, но не удалось. Он заметил. Ее страх висел в воздухе, отравляя легкие. Вождь не любил слабость, но уважал, когда над ней пытались взять верх.Он сделал шаг ближе. Всего один. Камень под его ногой глухо хрустнул. Муавия вздрогнула, прикусив внутреннюю сторону щеки. Металлический привкус крови отрезвил ее, сдержав от очередного обморока.

— Как тебя зовут? — спросил он, опустившись рядом, не слишком близко, но достаточно, чтобы та почувствовала жар, исходящий от его тела.

Гхаар протянул руку к костру, подбросил сухих веток, от чего пламя взвилось выше, осветив ее лицо полностью. Он замер, наблюдая, как белоснежные ресницы девушки трепещут, а искусанные в кровь губы раскрываются.

— Я не понимаю, — еле слышно ответила она, опустив голову на сложенные на коленках руки.

Гхаар отреагировал на это незамедлительно, недовольно сжав челюсти. Он резко протянул руку вперёд, захватывая ее подбородок и грубо приподнимая лицо. Его большой палец до боли надавил на нижнюю губу, вынудив с тихим стоном раскрыть рот.

— Моё имя Гхаар, — по слогам добавил он, свободной рукой ударив себя в грудь. — Гхаар — вождь Дарк Барр.

Муавия, подавляя смертельный страх, попыталась высвободиться из его сильной хватки, но потерпела неудачу. Снова, словно жизнь ее ничему не научила. В противостоянии с орком она не выйдет победителем, только если не… не вызовет магию. Запретную для нее с тех пор, как царь изгнал ее с небес. Плата за несоблюдение — кровь. Её собственная кровь. Она не готова ею платить сейчас. Не вынесет. Умрет почти сразу. Слишком много сил потрачено в пустыне.

— Гхаар, — повторил он низким рычащим голосом.

В воздухе повисло неприятное напряжение. Муавия не понимала, чего он от нее хотят и что за означают сочетания этих грубых звуков, выходящие из его горла. Переборов себя, она подняла затуманенный взгляд вверх и встретилась с ним глазами. Огненные всполохи осветили его лицо, и ей удалось хорошенько рассмотреть его глаза: один здоровый, темно-зеленый, другой блеклый, стеклянный. Днём, в вихре пустыни, они казались абсолютно чёрными, словно две бездонные пустоты, поглощающие свет.

— Гхаар? — указав на себя маленьким указательным пальчиком, дрожащим голосом переспросила девушка. Взгляд орка потяжелел. Она, испугавшись подобных перемен, тут же, заикаясь, добавила: — Прости… я п-поняла, поняла…тебя зовут Гхаар?!

Лоб мужчины разгладился, и он медленно кивнул, опустив огромную ладонь ей на тонкую шею, которую ему без всяких усилий удалось бы сломать одним движением пальца. Он почувствовал, как сильно и часто бьется ее пульс на шее. В этот раз она не противилась его прикосновениям, позволяя ему изучать себя. Она проглотила свою гордость, вспыхивая до кончиков ушей от стыда и бессилия, когда его зеленая лапа спустилась ей на грудь, поместив в себе их обоих. Зажмурив веки, Муавия отвернулась, чтобы он не видел ее покрасневшего лица. Еще ни один мужчина не касался ее так… словно она принадлежала ему целиком и полностью. Пожатия рук, приятельские объятия, но никак это!

Гхаар снова повторил свое имя, найдя ее маленькую ладонь и положив себе на грудь, горячую, как огонь и крепкую, как камень. Ее руки были потными и холодными. Сердце билось где-то в горле, заглушая любые звуки и голоса вокруг. Она не слышала даже собственных мыслей. Облизнув засохшие губы, девушка скользнула взглядом по бугристым стенам пещеры, горящему костру, широким мужским плечам. Вождь, чье терпение было на исходе, сжал свою руку на ее груди, словно ожидая от нее чего-то.

— Гхаар! — зарычал он, с грохотом ударив себя по груди. Снова.

— Я… ты хочешь знать моё имя? — осенило девушку. — М-Меня зовут… Муа…вия, — проговорила она по слогам, пробуя на вкус звучание своего собственного имени.

— Слишком сложное для орка, — рыкнул он, заиграв желваками. — Я буду звать тебя Муа, — сократил тот для удобства.

Сильфида, поняв намерения мужчины, не стала его исправлять. Если ему нравится звать ее так, то пожалуйста. Главное, что теперь он успокоился, и ей больше не придётся догадываться, чего он хочет.

К этому времени за спиной вождя возник силуэт другого орка. И если общество одного зеленокожего мужчины ей с боем удалось вынести, то с компанией двух сойдет с сума. К облегчению вождь, почувствовав за собой чужое присутствие, поднялся с холодного пола и скрыл сильфиду широкой фигурой от скользкого, полного нездорового любопытства взгляда воина. Издав облегченный вздох, она обняла горящее от жара лицо холодными ладонями, в надежде вернуть себе привычную бледность.

— Еда и вода, — протягивая кожаный сверток, проговорил низким рычащим голосом молодой орк. — Войны спрашивают, позволишь ли ты поразвлечься с пленницей, когда она отужинает, — добавил он, грязно облизнувшись. Хмель придала ему смелости, но лишила ума.

Гхаар, грубо отобрав сверток с его рук, бросил на него долгий, потемневший взгляд.

— Если у войнов есть силы на развлечения, прикажи им от моего имени готовить вурмов и отправляться в путь, — жестко осадил его вождь.

Побледневший орк, опустив голову, побормотал невнятные извинения и убрался прочь, дабы Гхаар не надумал обратить свои угрозы в действия.

— Пей, — прогремел вернувшийся в пещеру мужчина, всунув ей под нос внушительный бурдюк.

Муавия не стала спорить, послушно, но с осторожностью глотнув из него. Это было отвратительно. От того, чтобы выплюнуть эту горьковатую жидкость обратно её сдерживал лишь его суровый взгляд. И если она думала, что на этом её мучения закончатся, то глубоко ошибалась.

— Ешь, — протянув все ещё хранившее тёпло мясо скорпиона, добавил он тоном, не претерпевающего возражений.

Муавия, прижав ладонь ко рту, отрицательно покачала головой. Она не ела мясо — ни в каком виде. Это противно и против её принципов. Тем более запах жаренного мясо вызывал

у неё тошнотворные спазмы в желудке, а не аппетит. Гхаар не стал с ней церемониться, в одно движение схватил её за космы волос и рывком замотал их себе на кулак.

— Ешь или умрешь с голода, — произнёс он низким, вибрирующим голосом, в котором звенела твердая сталь. — Здесь нет третьего пути.

И пускай она не знала орочьего языка, поняла все, каждое слово. Опустив взгляд на мясо в его руке, она сглотнула тяжелый ком в горле. Это тяжело, идти против самой себя и своих утвердившихся убеждений. Вождь заметил её замешательство, но не стал ждать, пока она наконец-то решиться съесть хоть кусочек. Он, оторвав добротную часть жареного скорпиона, насильно затолкал его ей в рот, не смотря на все попытки выплюнуть его обратно. Стягивая волосы на её затылке, он удерживал голову Муавии, не позволяя ей лишний раз увернуться от протянутой еды. Впервые за все время в глазах сильфиды застыли слёзы. Она не имела право выбора, пока находилась в его власти. Вождь решал все за неё.

Мясо застряло в горле, а его горький аромат застыл в воздухе, вызывая рвотные позывы. Муавия с усилием проглотила, чувствуя, как клок еды сдавливает грудь и горло, но не осмелилась снова попытаться его выплюнуть.Когда кусок был проглочен, Гхаар наконец отпустил её волосы и она, смахнув горячие слёзы, отвернулась.

Оставшуюся еду он прикончил с громким чавканьем, а потом принялся расстилать у костра постель, в качестве которой выступала грубая кожаная ткань, похожая на её накидку. Он лег на импровизированную постель, грубо схватил её за живот и рывком подтянул к своему торсу, словно какую-то вещь, а не живого человека.

Муавия была застигнута врасплох и кое-как проглотила испуганный вскрик. Она замерла, не дыша. Перед глазами в тот момент поплыли тёмные пятна, а в ушах застучала кровь так сильно и часто, что она не услышала собственных мыслей. Его сильная, жесткая хватка не позволяла даже вывернуться в его жестких тисках. Каждый вздох отдавался болью в ребрах. Объятия вождя принесли ей физический дискомфорт, что уже говорить о душевном потрясении.

За все время пребывания в этой проклятой пустыни она устала настолько, что просто не могла больше сопротивляться. Её дух был почти сломлен. Прикрыв веки, девушка заставила себя расслабиться, не смотря на то, что мышцы казались одеревеневшими от долгого напряжения. Дыхание орка щекотало волосы на затылке, а сильные бёдра, упирающиеся ей в районе поясницы, приносили неудобства и смущали своей близостью. Все приличия и рамки были стерты одним зеленокожим, большим орком.

Каждая минута растягивалась в бесконечность. Громкое дыхание мужчины, треск костра и голоса орков за пределами их маленького убежища — все сливалось в один монотонный гул, от которого зудели виски. Сон овладел ей лишь когда огонь в костре окончательно погас. Дыхание сильфиды выровнялось и она заснула глубоким сном, утонув в объятиях мужчины, что мог неосознанно задавить её во сне своим массивным телом.

3 глава

Резкие толчки выдернули её из затяжного сна. Веки, налитые свинцом, нехотя разомкнулись. Первое, что предстало её взору, — массивный подбородок и кадык, заросший колючей щетиной. Ей понадобились считанные секунды, чтобы осознать, где и с кем она находится. Она восседала верхом на чешуйчатой твари, хотя засыпала в холодной пещере под тяжестью тела зелёного варвара. Она бесстыдно дремала на нём Создатель знает сколько времени, пока тот собственнически прижимал её за талию. С этим осознанием густой румянец мгновенно накрыл её щёки, а следом перекинулся на уши и шею. Она впервые находилась в такой опасной близости с мужчиной, тем более с орком. Удивительно, каким образом ей всё же удалось уснуть в его душных объятиях и не почувствовать к рассвету, как он небрежно переносит её к своему зверю. Наверное, виной тому — смертельная усталость.

Вялая попытка привстать увенчалась неудачей. Измученное тело не слушалось её. Она знала, что не справится. Возможно, сейчас совсем не время для геройствования. Каждое движение сопровождалось болью в пояснице и шее, принося адский дискомфорт. Заперев все страхи глубоко в чертогах сознания, девушка решила переключиться с дум об орке, своём затруднительном положении, и опустила взгляд вниз. Что же, удивило ли её то, что она увидела? Нет. За последнее время Муавию бесчисленное количество раз запирали в кандалы, подавляющие магию. Обвязанные кожаным ремнём кисти рук — ничто по сравнению с этим. Да, неприятно, но что поделать? Родись она дикарём, как этот орк, то, возможно, поступила бы с собой так же.

Поджав губы, она перевела взгляд на бескрайнюю пустыню, в воздухе которой кружились мерцающие песчинки, слившиеся с густым небом, окрашенным в цвет апельсиновой кожуры. Эта земля выглядела безжизненной, но мужчина, к чьему торсу она прильнула, был живым примером обратного. Он — доказательство дыхания этой земли, её величия и силы. Для него и его родичей она — единственный источник пропитания, их опора. Да, пустыня испытывала их, но делала сильнее.

Песок жёг кожу, ветер иссушал её, солнце пекло голову — но одновременно закаляло волю и тело. Эта земля чтила силу, даже будучи избирательна к своим обитателям. Сильфида не испытывала к этой земле ненависти или обиды за все тяготы, которые ей пришлось испытать, пребывая на этих землях. Наоборот, она была благодарна матери пустыни за то, что та приняла её, всё ещё не утянула в пески, не иссушила до костей и не оставила на съедение гигантским скорпионам.

Сильфида точно не знала, как долго ей будет позволено странствовать по пустыне. Самое важное для неё — прожить оставшееся время на этих землях с достоинством, научиться справляться с её лишениями и стать её частью, как эти орки. Путь домой для изгнанной сильфиды воспрещён, по крайней мере, пока жив царь, из-за которого она подверглась такому жёсткому наказанию. У неё нет иного выбора, кроме как стать частью другого, чужого мира, совершенно отличавшегося от Инральда — небесного царства.

К этому выводу она пришла ещё прошлой ночью, когда тепло зелёного мужчины согревало её содрогнувшуюся от холода кожу. Температура его тела разительно отличалась от её. Он был горячим, она — ледяной, как воздух вокруг них. Только благодаря ему она спаслась от холодной смерти. «Но я даже не могу выразить ему свою благодарность, как положено», — промелькнула у неё в голове досадная мысль, тут же растворившаяся при воспоминании вкуса горькой воды и жёсткого мяса скорпиона. Возможно, это лишнее. Неизвестно, какую роль сыграет этот дикарь в её жизни.

Гхаар за весь путь ни разу с ней не заговорил. Всё время молчал, изредка раздавая приказы на орочьем языке и изрыгая странные гортанные звуки при общении со своим зверем

по имени Тхул. Его рука всё ещё покоилась на её животе. Со временем девушка перестала противиться, ведь ему не нравилось, когда она пыталась отстраниться. Он издавал пугающее рычание, болезненно надавливая ей на живот своей огромной лапой. В те моменты Муавия предпочитала абстрагироваться, погружаясь в свои мысли об Инральде, своей прошлой жизни и обстоятельствах, которые привели её в руки этому орку. В целом, ей много о чём нужно было подумать.

Забывшись в своих размышлениях, она потеряла счёт времени и перестала замечать движение вокруг. Очнулась, лишь когда Гхаар выпрыгнул из седла и грубо потянул её на себя. Муавия неловко упала на колени, проглотив испуганный вскрик. К счастью, песок смягчил удар о землю. Его пальцы, грубые и шершавые, впились в её предплечье, оставляя багровые следы. Муавия сглотнула ком в горле, пытаясь унять дрожь. Волоча бедную девушку за собой, он не обращал внимания на её вялые протесты или жалобы. Она пыталась подстроиться под его быстрый шаг, но то и дело спотыкалась на раскалённых дюнах.

— Отпусти… я сама могу, — прошептала она, но голос утонул в рёве других орков, встречающих своего вождя и его армию.

Гхаар бросил на неё оценивающий взгляд, а потом, к её удивлению, разжал пальцы — видимо, правильно истолковав смысл её воплей.

— Спасибо, — прошептала девушка, морщась от шума вокруг себя. Никак не могла избавиться от своих социокультурных установок.

Оглянувшись по сторонам, она на миг задержала дыхание. Он привёл её в своё племя. Старики, женщины, дети — все, кто ждали возвращения своих соплеменников, вышли встретить их, пробивая грудь с радостным кличем. Но как только их взгляды останавливались на ней, они тут же замолкали. Муавия видела, как резко менялось выражение их лиц. Оно означало презрение. Горькое, вяжущее, на вкус как гнилое яблоко. В какой-то момент воздух вокруг сжался, и она почувствовала, как задыхается. От чужого внимания, от отвращения в их чёрных глазах. Прикусив губу до крови, девушка кое-как вернула себе самообладание, на ватных ногах следуя за своим орком.

Муавия медленно опустила взгляд, чтобы не встретить в орочьих глазах очередную порцию презрения. Сердце сбивалось с ритма при одной мысли о том, что она снова увидит этот ледяной, оценивающий взор. Поэтому она изучала потрескавшуюся землю под своими ногами, собственные сбитые пальцы и фиолетовые следы от ремня на кистях рук. Всё что угодно, лишь бы не встретиться с ними глазами.

Сильфида пропустила момент, когда к их колонне подбежали местные дети с голышами в руках. Возможно, обрати она на них внимание, то успела бы вовремя уклониться от летящих камней или спрятаться за спиной Гхаара. Но он ушёл, даже ни разу не обернувшись, увлечённый разговором с подоспевшим шаманом. Муавия осталась одна.

Первый камень со стуком ударился о землю возле её ног, словно немое предупреждение. Но было уже поздно. Следующий царапнул ей плечо. Третий приложил по виску, окончательно дезориентировав её. Вскоре на неё посыпался самый настоящий каменный дождь. Она повалилась на землю, ударившись головой об один из камней. Из её горла вырвался сдавленный стон. Кричать сил не осталось. Попытка привстать с горячего песка позорно провалилась. Её руки были плотно стянуты кожаным ремнём. От долгого неподвижного положения они затекли, мышцы ныли, а пальцы едва слушались. Лишённая возможности опереться на руки, она лишь беспомощно скользила ладонями по зернистой поверхности, не в силах найти опору. Каждое движение отдавалось тупой болью в занемевших запястьях, а тело, отяжелевшее от бессилия, будто прилипло к песку. Гортанный смех орочьих детей резанул по слуху, рассек воздух у её ушей, словно кинжал. Лицо Муавии медленно исказилось от унижения и боли. Слёзы застыли в глазах, вот-вот грозясь залить покрытые потом и жёлтой пылью щёки.

Гхаар исчез, словно не заметил её отсутствия позади себя. Оставил её одну в кольце орочьих отпрысков. Орда воинов с противным гоготом огибала девушку, одобрительно похлопывая детей по плечам. Сильфида с трудом подняла голову, надеясь отыскать в толпе хоть кого-то, кто мог бы ей помочь. Это было бессмысленно. Единственное, что стоило по-настоящему ожидать от взрослых и разумных орков, — это поддержки в издевательствах. Муавии не оставалось ничего, кроме как прикрыть голову голыми руками и сжаться в комочек у ног маленьких орков. Вслед за камнями в дело полетели колючие палки, вёдра с испражнениями и экскрементами вурмов. Их вонь застыла в воздухе, вызвав рвотный рефлекс. Её желудок сжался, к горлу подступила кислота, а тело неестественно согнулось. Её вырвало прямо на подаренную вождём накидку.

— Ургх, — послышался презрительный визг орочьей малышни, но девушка не обратила на это внимания.

Её постиг очередной приступ тошноты. Дрожа всем телом, она рухнула прямо в месиво из чужих испражнений и собственной желчи. Впервые за всё время скитания по этой пустыне ей хотелось снова оказаться в объятиях вождя.

***

Совет старейшин уже дожидался Гхаара в главном шатре для собраний. Они расселись кольцом, перешёптываясь друг с другом и обсуждая не итоги битвы с объединившимися племенами кочевников, а появление в их стойбище человеческой женщины. Она пересекла их земли верхом на вурме вождя. А всем в племени было известно, что до сих пор Тхул подпускал к себе лишь своего хозяина, а тем, кто желал его оседлать помимо него, он отрывал головы. Только мёртвые могли удостоиться подобной чести, и то не всем везло.

— Она не похожа на человеческую самку, — вдруг проговорил один из самых старших и мудрых в совете старейшин. — И на эльфа не похожа. Это другой вид.

— Я видел людей с белыми и красными волосами, но у неё синие, как небо над нашими головами.

— Она ведьма! — решил другой, взмахнув рукой. — Надо её убить, пока она не принесла беду в наши шатры!

— Это существо заворожило Тхула. Мог ли и наш вождь попасть под её чары? — скрыв воодушевление в голосе, спросил один из старейшин. Будь это так, ему бы удалось добиться смещения нынешнего вождя. Хрог давно мечтал посадить на это место своего сына.

— Она проклята! Её колдовство отравит сердце нашего вождя, — подхватили его мысль остальные, заставив зародиться надежде в его груди.

— Или уже отравило, — прошептал Хрог в ухо одному из своих сторонников. — Вскоре он станет слеп не только на один глаз. Чёрная пелена накроет весь его разум.

— Существование нашего племени под угрозой, — кивнув ему, зловеще проговорил старый Нарзуг. Подвеска из клыков убитых им орков еле слышно забилась, когда он привстал с тёплых шкур. — Гхаар должен казнить ведьму, иначе нашу землю настигнет чума!

— Нарзуг, если не хочешь остаться без языка или быть изгнанным из племени в старости лет, перестань клеветать на вождя! — прогремел голос самого крупного из всех в шатре орков, являвшегося кровным братом отца Гхаара. Он встал вслед за ним, взявшись за рукоять топора. — Мой племянник отличается от многих из вас крепким телом и твёрдым сознанием. Ведьма она или троллиха болотная, ей не удастся пустить пыль в его глаза!

Вопреки своему уважительному возрасту, он имел крепкое и массивное телосложение, в свете чего и обладал отменным здоровьем. Во время отсутствия племянника в стойбище на него перекладывалась обязанность по защите племени. Гхаар уважал его силу и был уверен, что в случае чего его дядя сумеет справиться с вражеским племенем. К тому же ему было известно недовольство старейшин его правлением, поэтому он приказал дяде присматривать и за ними, чтобы не допустить или, на худой конец, предотвратить смуту внутри своего племени.

— В тебе говорит твоя кровь, Гулдан, — заскрипев зубами, ответил ему Хрог, заступившись за Нарзуга. — Он прав. Пусть Хагг осмотрит Гхаара и подтвердит твои слова.

«Шакалы трусливые», — подумал про себя Гулдан, ударив топором по земле. Если бы не законы орков, толерантные к старейшинам любого сорта, он бы сам выбил из них всю спесь.

— Не вам судить, как надлежало поступить вашему вождю. Вы тут лишь затем, чтобы подавать ему толковые советы, да только языки ваши и на то не годны, тьфу! — плюнув себе под ноги, сердито зарычал мужчина.

Члены совета засуетились, размышляя над его словами. Кто-то поддержал речь Гулдана, а кто-то нет, встав на сторону Хрога и Нарзуга. Каждый хотел высказаться, вставить кость другому в горло. Гулдан неодобрительно покачал головой, наблюдая за взрослыми орками, вступившими в горячий спор. Шатёр заполнили перебивающие друг друга рычания и звук бьющейся об землю посохов. Будь они все помоложе, в спор вступили бы и кулаки, а там и до топоров недалеко.

Гулдан бросил ожидающий взгляд на войлочный порог. Уголки его губ дрогнули, когда полог разошёлся в стороны и в шатёр вошёл Гхаар. При его появлении старейшины тут же притихли. Он бросил на них беглый взгляд и направился к своему каменному помосту. Орки напряглись, встав в ступор. Смелость, с которой они ранее оговаривали его, пропала при его появлении. Особенно скукожился Нарзуг, один из самых громких старейшин, подвергавших сомнению его влияние и силу. Хрог сцепил зубы, наблюдая за тем, как его сторонник трусливо втягивает шею в плечи. Этот трус будет первым, кто, поджав хвост, предаст его в случае чего.

Тем временем Гхаар уже присел на накрытый мягкими шкурами булыжник. Положив ладони на колени, он медленно скользнул взглядом по собравшимся. Его единственный глаз, пронзительный и холодный, словно лезвие топора, изучал каждого. Недовольство старейшин и тревогу он прочитал по выражению их лиц. Весть о человеческой женщине, больше похожей на ведьму, встревожила сердца орков. Они ожидали от него объяснений и не найдут покоя в своих душах, пока Муа не будет загублена самым жестоким способом. Гхаар удовлетворил бы их желания, если бы она несла в себе реальную опасность. Но слова Хагга всё ещё стояли в его ушах. Её нельзя убивать.

— Хагг, — Гхаар наконец оборвал напряжённое молчание, кивнув вошедшему шаману в знак приветствия. — Как ты видишь, старейшины напуганы и трясутся от страха, подобно девственницам в первую брачную ночь, — бросив взгляд на Нарзуга, добавил тот.

Упомянутый им старый орк ощетинился, до хруста сжав пальцы на своём посохе. Все в этой комнате поняли, кому посвящались слова вождя, и это лишь распалило жар его ненависти. Но он промолчал, даже если сгорал от стыда и злобы, так как здраво чувствовал превосходство вождя над собой.

— Не томи, иначе страх поглотит их разум. Ты пришёл ко мне с дурными вестями или с хорошими? — погладив большим пальцем свою верхнюю губу, поинтересовался Гхаар, чей единственный глаз пожирал его пристальным взглядом.

— Духи сообщили мне о твоей пленнице, вождь, — начал шаман скрипучим, старческим голосом. — Это дитя — одно из больших знамений Нокдара. — Он замолчал, наблюдая за реакцией старейшин. Они встревожились.

Нокдар — день великого краха, то есть кровавой резни между орками, которая приведёт их к полному уничтожению. Каждый, в чьих венах будет течь их кровь, умрёт, не оставив за собой потомков. Этот день станет началом их конца. Старейшины обеспокоились, переглядываясь и перешёптываясь между собой.

— Ты привёл в наши дома смерть, вождь Дарк Барр! — зарычал Хрог, вскочив с шкур.

Его лицо исказилось от злости и ненависти, но это длилось недолго. Топор вождя пролетел над его головой, срезав его косы с самых корней, и воткнулся в высокий сундук за его спиной, где хранились заморские меха.

— Если есть желание сохранить свои клыки, убирайся отсюда сейчас же, — бросив на него испепеляющий взгляд, заревел вождь. — Не испытывай моё терпение!

Ему хотелось прикончить этого старого ублюдка, но он являлся старейшиной ещё со времён правления предыдущего вождя. Ему пришлось его пощадить. К счастью, тот не стал рыпаться и, трезво осознав своё положение, вежливо наклонившись перед ним, покинул шатёр. Гхаар поднял руку, жестом показывая Хаггу, чтобы тот продолжил.

— В ней наш рок и спасение, — проговорил он, царапая посохом странные символы по песку.

— Каким именно образом она станет той, что спасет нас? — потянувшись вперёд, спросил вождь, пропустив слово о роке.

— Продолжив род Дарк Барр, — ударив посохом по земле, зарычал шаман. И в тот момент песок вокруг него взметнулся и закружился, словно в танце. — Духи ветров донесли до меня весть: дитя небес, сошедшее к нам, чтобы исполнить древнее пророчество о НокДаре, уже в племени. Вождь привел её к нам, как и требовали этого духи. В скором времени корни, которые пустил наш род на этих землях, разрастутся и пустятся по всему континенту, но без небесного дитя, поддерживающего силу в них, они станут уязвимы и сгниют. И лишь орк, рожденный от её брака с одноглазым воином, убережет орочий род от погибели! — Шаман захлопал руками, кружась вокруг своей оси. Костяная подвеска на его шее зловеще зазвенела. Шатер заполнил желтый дым, одурманивающий разум. — Да будет исполнена воля духов!

4 глава

Инральд парил над землей, посреди облаков. Он был высечен из белого камня, который при определенном свете напоминал застывшее северное сияние. Его границы были ограждены высокой белоснежной стеной. В самом центре располагался замок с пятью позолоченными куполами. В одном из них размещались покои Муавии, внучки Верховного советника и будущей принцессы Небесного царства сильфид. Тёплый солнечный свет заливал её комнату, пробиваясь сквозь оконную раму. Тонкие разноцветные лучи, отражаясь в фресках, мягко ложились на спинку кресла, пышные одеяла и рассыпались по ковру. Тишину в комнате нарушало лишь щебетание птиц, залетевших внутрь через щель между оконными створками.

В самом углу комнаты, куда с трудом добирались солнечные блики, пряталась девушка с длинными перламутровыми волосами. Её тело било в судорогах от долгих, бесшумных рыданий. Подперев дрожащий подбородок коленями, она крепко обхватила себя руками. С её белоснежных ресниц безостановочно стекали слёзы, оставляя влажные следы на молочной коже и ослепительно белом полу. Страх окольцевал её душу и тело. Она уже знала о своей приближающейся участи, но никак не могла убежать от неё. Сириус найдет её везде, куда бы она ни спряталась. Каждый камешек в Инральде служит ему верой и правдой. Нет ничего, чего бы не знали эти стены. Они донесут ему обо всём, что видят и слышат. Расскажут, где она.

— Муавия, — дверь с громким ударом распахнулась, и в комнату ворвалась сильфида с серебристыми волосами. За её спиной вспорхнули два полупрозрачных крыла с тонкими, мерцающими жилками. — Дорогая, стража уже в левом крыле башни. С минуты на минуту они будут здесь и схватят тебя!

Бледное, словно полотно, лицо девушки исказилось от боли, и Муавия сильнее сжалась в углу, став совсем маленькой. Гнев забурлил в груди Луны, и нет, не на сестру, не на ситуацию, в которой она оказалась, а на себя. Она ненавидела себя за свою беспомощность. Взмахнув рукой, девушка ударила в спину Муавии легким потоком воздуха. Но согнувшаяся в три погибели внучка советника даже не пикнула. Её гложила безвыходность и чувство вины. Скорее всего, сейчас сестра размышляла о том, как бы все обернулось, поддержи она коварный замысел этого самовлюбленного болвана с тугой короной на голове, окончательно лишившей его крупицы здравого рассудка. Но нет, защитив себя от него, она сохранила себе жизнь, свою магию. Она поступила так, как должна была.

— Вставай, нет времени на самоистязания! — схватив её за плечи, закричала та. Она глушила страх, чтобы не впасть в такое же отчаяние, как сестра. Видя, что он делает, сильфида понимала, что если и она поддастся ему, у Муавии совсем не останется шанс, по крайней мере, на побег. — Ты должна бежать! На север, там живет семья старого знакомого нашего деда. Он не откажется от тебя, так как перед ним висит долг жизни. Но это не важно, сейчас самое главное… — она замолчала, услышав крики с нижнего этажа. — Дьявол, стража уже здесь… — выругавшись, неожиданно даже для себя, она нетерпеливо топнула ногой. Весь её план спасения под угрозой. Больше нельзя терять ни минуты.

— Оставь меня, Лунария, — дернувшись в объятиях сестры, произнесла Муавия сломанным голосом. — Эта ни в чём неповинная семья может пострадать из-за нашего эгоизма. Сириус суров и не прощает предателей. — Долг жизни не оправдание для царя.

Она подняла взгляд на красивое, но напуганное до смерти лицо Луны. В её лазурных глазах застыли слёзы. «Это всё моя вина», — подумала Муавия, прикусив щеку до крови. В тот день, когда принц Юстиус возжелал отобрать её силы, ей не стоило противиться. Иначе бы семья не пострадала.

— Но в том, что этот гад… — запнувшись, Лунария упала у ног сестры с глухим звуком. Трясущиеся ладони девушки обняли влажное лицо сестры, а холодный лоб столкнулся с её. —

План по похищению твоей магии сработал против него самого — теперь его сила принадлежит тебе. Вот чем обернулась жадность этого ублюдка! И это не изменить. Он навсегда останется бездарным сильфом. А ты… ты теперь всесильна. Я верю, с твоей помощью мы сможем вернуть себе прежний статус…но нужно время!

— Я не стану сбегать, Луна, — прикрыв веки, выдохнула Муавия. — Нам никогда не убежать от Сириуса. Что ты предлагаешь? Свергнуть царя? Это глупая затея. Уверена, он не станет убивать меня. Наказание будет серьезным, да. Но со мной все будет хорошо. Не беспокойся, — оставив лёгкий поцелуй на её щеке, прошептала девушка. — Я прошу тебя, не вмешивайся в судебный процесс и не оправдывай меня перед царем и народом. Иначе пострадаешь и ты.

Лунария не могла больше слушать эту чушь, она не оставит её, никогда. Спор здесь бесполезен. Топот ног приближающейся стражи и свист рассекаемых крыльями потоков воздуха впивались в уши, словно раскалённые иглы. Паника накрыла её ледяной волной. «Времени нет!» — билась в голове тревожная мысль, отдаваясь пульсацией в висках.

В какойто миг её тело среагировало само. Мозг всё ещё пребывал в странном диссонансе, словно отстранившись и позволив инстинктам взять верх. Лунария рывком вскочила, схватила сестру под мышки и, глубоко вдохнув — так, что рёбра затрещали, — в одно мгновение ока вылетела с ней в окно. Осколки разбившегося стекла задели её щеки и лоб, но она не чувствовала боли.

Именно в этот момент в комнату ворвались мужчины в железных доспехах. Началась отчаянная погоня. Муавия не успела даже переосмыслить произошедшее, как копьё одного из стражников пролетело мимо них, задев бок сестры. Но несмотря на это, она продолжала таскать её на себе. Сердце Муавии сжалось от отчаяния. Она рискует собой, чтобы сохранить ей жизнь. Истекая кровью, заливаясь потом и теряя последние силы, она продолжает лететь, укрывая её от опасности.

— Прости, — внезапно поцеловав Луну в висок, прошептала ей в ухо Муавия. С трудом выкарабкавшись из объятий, так, чтобы не задеть открытую рану, она отлетела от неё в сторону. Встав перед ней и подлетавшими к ним стражниками, она создала воздушный купол, который на время мог укрыть их от опасности и сдержать натиск вражеской колонны.

— Что ты делаешь? — тяжело дыша, просипела Луна. Каждое слово давалось с трудом — горло пересохло. — Они близко… барьер не удержит их, — Перед глазами поплыли мушки, сливаясь в тёмную пелену. Она с трудом находилась в сознании.

Луна истекала кровью и еле парила в воздухе. Крылья порхали лишь на одной силе воли. Обида и гнев за свою маленькую, храбрую сестренку застелили Муавии глаза кровавой пеленой. Месть. Ей хотелось отомстить каждому, кто причастен к ее боли. Кровь за кровь. Взмахом руки она собрала вокруг сестры ледяные кристаллы. Они сомкнулись вокруг Лунарии, образуя непроницаемый кокон.

— Я сама разберусь со стражниками и вернусь к тебе, обещаю, — улыбнувшись сквозь слёзы, Муавия зачаровала кристаллическую решётку. Та замерцала холодным светом и в мгновение ока исчезла, унося Лунарию прочь, в сторону ближайшего лазарета, где бы ей могли помочь.Это был их последний разговор.

Лунария, окутанная ледяным коконом, могла лишь беззвучно кричать, видя, как фигура сестры стремительно исчезает под облачной пеленой. А Муавия, оставшись одна перед лицом разъярённых стражников, сжала кулаки. Сначала она собирается уничтожить их, а потом сама сдаться царю, в обмен на то, что её семья не пострадает. Иначе будет кровавая бойня. Каждая белоснежная плита в дворце Сириуса окрасится в кроваво-алый цвет. И этот день станет самым запоминающимся в истории Инральда.

***

Пустыня, племя Дарк Барр

Муавия лежала, уткнувшись лицом в песок. Перед глазами всё ещё всплывало лицо сестры, искажённое болью. «Всё ли с ней хорошо? Как Сириус поступил с ней? Изгнал из столицы или по-прежнему держит при себе, наслаждаясь её душевными муками?» — эти вопросы раз за разом всплывали в голове, но никто в целом мире не мог дать на них ответа, чтобы она наконец-то вернула себе покой. Если бы только существовал способ связаться с Луной…

— Брахр, громгар! — раздался над головой грузный голос, и в тот же миг очередной камень ударил её в висок.

Муавия сморщилась от боли, схватившись за голову. Она думала, что всё кончилось — по крайней мере, на этот раз. Некоторое время назад отпрыски орков отстали от неё, не заметив за ней никакого сопротивления. Заскучали и ушли, оставив её одну. «Но почему это происходит снова… Неужели они вернулись, с еще более унизительными идеями?!» — промелькнула у неё в голове пугающая мысль.

Поднявшись с земли на локтях, она обернулась, чтобы смело взглянуть в лицо своего противника, но вместо десятка горящих глаз увидела два жёлтых, налитых злобой шара взрослой орчанки. Она была одета в кожаный лиф, едва прикрывающий грудь, и в оборванную набедренную повязку. На поясе висел медный, зазубренный кинжал, опасно сверкнувший в полутьме пустыни. Та, скрестив руки на груди, чтото сердито пыталась до неё донести, осматривая её распластанное тело брезгливым взглядом. Муавия поджала губы, представляя, какой жалкой и грязной сейчас выглядела, без грамма прежнего достоинства и величественности.

Осознав, что человеческая самка не станет ей отвечать, орчиха резко схватила её за капюшон и потащила за собой. Муавия, хаотично перебирая ногами, схватилась за ворот плаща, чтобы ослабить его хватку на шее. Но развязать тугой узел удавалось с трудом — пальцы не слушались. Она почти задохнулась. К тому моменту, когда её руки упали вдоль тела, а ноги перестали беспомощно скользить по песку, орчиха отпустила её, грубо подняла за подмышки и закинула в бочку с холодной водой. Широко распахнув глаза, Муавия судорожно задышала, глотая ртом воздух. Ледяная вода вытянула её из полусонного состояния. Она бесплодно схватилась за бортики импровизированной бани, чтобы подняться, но её сильные руки вдавили бедную девушку обратно.

— Пусти меня, — сквозь зубы процедила Муавия. Но даже если бы зелёная женщина знала язык сильфид, то никогда не послушалась бы её.Орчанка принялась стягивать с неё грязную одежду. Это было ещё более унизительно, чем Муавия себе могла представить. Клацая зубами от холода и подступающей злости, она принялась помогать ей раздевать себя, всем видом показывая, что вполне сама может с этим справиться. Вскоре та покорно сдалась, позволив ей докончить самой. Видимо, у неё у самой не было желания лишний раз касаться тела или одежды человеческой женщины.

— Вождь велел привести тебя к утру чистой и сытой, — с этими словами орчиха растерла между ладонями серую пасту из золы и жира, которая к тому же плохо пахла. — Чтобы тебя вурмы погрызли, зачем ты ему сдалась? — не заметив никакой реакции, она добавила:

— Нашего говора не понимаешь? Ничего… выучишь, если не сдохнешь раньше. — Орчанка смерила Муавию презрительным взглядом. — Духи, ты же худая, как ветки тамариска. Одни кости да кожа! Не сможет твое чрево вынести его семени! Хагг, будь он неладен, должен был увидеть это в своих видениях.

Она вцепилась грубыми пальцами ей в волосы, втирая в кожу вонючую субстанцию, от запаха которой хотелось рыгать. Но Муавия сдерживалась, потому что это лучше, чем быть снова окунутой в ведро с испражнениями. Воспоминания о минувшем инциденте все ещё стояли перед глазами, но боль от действий орчанки возвращала её в реальность. Пожалуй, в этом был свой плюс — если не принимать в расчёт весьма вероятную перспективу остаться без волос. Вслушиваясь в ворчание женщины, она позволяла ей смывать с себя грязь, пока её жест-

кие пальцы не опустились к лопаткам, где зияли четыре дыры, покрытые тонкой кровавой корочкой.

Муавия почти забыла о своей утрате, но грубые прикосновения орчихи вернули её в тот солнечный день. На неё вновь накатила невыносимая боль, когда стражник, бывший ей другом, опустился перед ней, чтобы в следующую секунду схватить её за два полупрозрачных крыла и вырвать их без тени сомнения на лице. А потом он провёл тоже самое с оставшимися крыльями. В ушах все ещё стоял смертельный вопль, от которого трескались стекла. Этот крик боли и отчаяния принадлежал ей. Она поняла это, когда потеряла голос, а в горле застрял сухой, царапающийся ком. Муавия вздрогнула, ощущая, как по спине стекают холодные капли воды. Она медленно обернулась, большими глазами разглядывая кровавые следы на лопатках. Прикрыв веки, она посчитала до трех. Один. Два.

— Три, — шепнула она сиплым голосом.

«Это был мираж; секундное помутнение… все позади», — успокоила она себя, прижав колени к груди.

Орчанка почувствовала ее дрожь под пальцами, но ничего не сказала. Она лишь молча набрала в ковш ледяной воды и полила ей её худые плечи. Закончив купальные процедуры, женщина подхватила девушку за подмышки и грубо опустила на пол. Муавия покосилась на бочку, забитую до краев мутно-коричневой водой. Зажав ладонью рот, она вяло замотала головой. Не сейчас. Ей пришлось заставить себя проглотить подступившую желчь и отвернуться. В ноздрях все ещё стоял запах мочи и фекалий, но он терялся посреди аромата золы.

Орчанка угрюмо усмехнулась, бросив на неё беглый взгляд из-за плеча. Всё поняла. А потом, недолго порывшись в железном сундуке, кинула к её ногам кожаные тряпки. Муавия, только вспомнив про свою наготу, смущённо потянулась к ним, чтобы прикрыться. Только когда женщина отвернулась, чтобы собрать ванные принадлежности в плетенную корзину, она встала и натянула на себя кожаную тунику, которая орчанкам с их параметрами, скорее служила топом. Спустя час женщина занесла к ней мутную от песка воду и кусок мяса, к которому сильфида даже не притронулась.

Эту ночь она провела в одиночестве. Орчанка заплела ей небрежную косу и оставила одну. Вернее, не совсем — на страже у шатра стояли двое сильных и больших орка. У неё так и не получилось заснуть — боялась, что они внезапно ворвутся к ней и, в общем… Яро замотав головой, девушка вскочила с импровизированной постели, которой служила плетенная из тростника циновка. Недолго ей пришлось скитаться с одного угла в другой. С рассветом уже знакомая орчанка ворвалась в её шатёр и насильно вывела на улицу. Муавия, как могла, прикрывала обнаженные ноги ладонями, но, осознав, что все это бесполезно, сдалась.

На этот раз орки не стали закидывать её камнями, ограничившись пренебрежительными взглядами. Только детвора продолжала что-то кричать ей вслед, пока взрослые не затыкали их размашистыми оплеухами. «Что же, спасибо, но не стоило», — подумала про себя Сильфида, скрыв злорадную улыбку за выпавшей из небрежной косы прядью. Дорога до центрального шатра, отличавшегося от остальных своими более внушительными размерами, прошла без происшествий. Муавия не была глупой и вполне себе ясно осознавала, к кому её вела орчанка с двумя охранниками за спиной. Только у вождя мог быть такой громоздкий шатёр. Ноги её задрожали от волнения. Он уже не внушал ей прежнего, хрупкого, но доверия. Не после того, как оставил её на растерзание своим соплеменникам. Всё же, что ему нужно? Посмеяться? Узнать, как унизительно было надеяться, что он придёт и спасет, пока её закидывали камнями и грязными отходами?!

Муавия с трудом заставила себя переступить порог его шатра. Если бы не пинок орчанки в спину, она бы так и осталась стоять у входа, словно вкопанная. И даже если она уже догадывалась, с чем ей придётся иметь дело, у неё не получилось сдержать чувств при виде него. Он полулежал на тёплых мехах, изучая какие-то карты. Даже не взглянул на неё, когда они вошли.

Её пальцы судорожно вцепились в предплечье. Ногти впились в нежную кожу до боли, отрезвляя затуманенный гневом разум. Это он привёл ее в свое племя и унизил, показав, какую власть имеет над ней методом кнута и пряника. Сначала спас от гигантского скорпиона, потом бросил в логово стервятников. Рано для аплодисментов или уже пора?! Простояв так уже больше минуты, она решила, что будет правильным дать ему знать, что уже здесь. Ожидание намного мучительнее, чем сам приговор.

— Гхаар, — позвала его она твердым, как сталь голосом, хотя внутри дрожала от страха и гнева. Кровь застучала в ушах так громко, что едва расслышала собственный голос.

Орки, находящиеся с ними в одном шатре, замерли от неожиданности. Она первая разрушила молчание. Первая рабыня, что посмела позвать его, заливаясь яростными пятнами. Первая, кто при этом не сводила с него глаз. Посиневшая орчанка до боли сжала ее локоть, представляя, чем неожиданная смелость могла кончиться для нее и всех присутствующих. Но Муавия не дрогнула, ожидая ответа.

— Выйдите все, — зарычал вождь, подняв глаза на сильфиду.

— Вождь, — обратилась к нему орчанка, самая смелая из всех. — Я буду ждать ваших дальнейших распоряжений снаружи, — поняв, что он не в настроении, быстро добавила она. Муавия не показала своей растерянности, но неожиданный уход всех присутствующих насторожил ее. «Хочешь расправиться со мной без свидетелей?!» — ехидно прошептал внутренний голос.

— Подойди, — прорычал орк, поманив её к себе пальцем. Он буквально прожигал в ней дыру, наблюдая за тем, как она не решительно мнется на одном месте. Это был приказ, а неповиновение могло стоить ей жизнь. Она чувствовала угрозу, исходящую от него, и вся храбрость, с которой она позвала его, исчезла без следа.

Чуть помедлив, она шагнула к нему, но замерла в полушаге. Его дикий взгляд не обещал ей ничего хорошего. Но не успела сильфида опомниться, как Гхаар в один миг оказался прямо напротив нее. Его огромная ладонь схватила ее сзади за шею и потянула на себя. Муавия издала болезненный стон, инстинктивно схватившись за запястья орка в попытке высвободиться из его сильной хватки. Но сопротивления были бесполезны. Они неравны. Физически он сильнее ее во много раз.

— Муа! — зарычал мужчина, вздернув ее над землей.

Муавия сжалась, разглядывая лицо разъяренного орка. Его единственный целый глаз смотрел на нее сверху вниз, излучая неприкрытое презрение и ненависть.

— Ты станешь моей женой, — опустив ее на ноги, добавил он. Девушка упала на колени и схватилась за горло, отчаянно хватая ртом воздух. Вождь склонился над ней, намотав ее косу себе на кулак, как тогда. — И родишь мне сына!

5 глава

Сильфида поморщилась от звериного рыка у своего уха, сжавшись в один маленький комочек у его ног, пока он нависал над ней, болезненно стягивая волосы на затылке. Страх, подступивший к горлу с привкусом желчи, смешался с нарастающим гневом и чувством безвыходности. За последние несколько дней она пережила столько унижений, скольких не испытывала за все свои двести лет жизни в небесном царстве, расположившемся между облаками и землей, где она провела свои прекрасные юные годы в умиротворении и душевном спокойствии, не подозревая, какое разочарование ждет ее в будущем. Она не знала, как помочь себе, не причинив вред своему здоровью, так как любые попытки сопротивления отзывались ещё более жесткими прикосновениями со стороны орка, а использование магии могло привести к непоправимым последствиям. И, по иронии судьбы, она не обладала возможностью попросить его прекратить мучить её, так как их разделял толстый языковой барьер. И несмотря на это, этот огромный и тупой орк пытался до неё что-то донести, прекрасно зная, что она не поймет и слова из того набора гортанных и рычащих звуков, которые выходили из его чертовой пасти!

Девушка была твёрдо уверена в том, что он её ударит. Его свободная рука нависла в воздухе, но так и не дотронулась до неё. Внезапная вспышка гнева быстро прошла, и он расцепил пальцы, позволив ей свободно вдохнуть пыльный и сухой воздух, а потом отползти от источника опасности, то есть от него, в сторону. Прижав маленький кулачок к груди, она села к нему боком, прижавшись холодным лбом к тёплым шкурам, свисающим с высокого сундука.

Мужчина больше не предпринимал попыток дотронуться до неё, а лишь, издав раздраженный рык, тяжелой тушей опустился рядом, достав из пазухи кривой, короткий, покрытый черными пятнами кинжал. Желудок девушки сжался от очередного приступа страха. Предчувствие чего-то плохого медленно подступало к горлу, принося очередные приступы удушья, но уже без прямого привлечения лап орка. Успокоилась, лишь когда он развернулся к ней спиной. В голове внезапно промелькнули недавние воспоминания, когда они точно так же сидели в холодной пещере, наедине… её била крупная дрожь от кислотного ужаса перед большим и страшным орком, прямо как сейчас.

Она замерла, краем глаза разглядывая широкоплечего мужчину, который, кажется, совсем забыл, что не один. Из её груди вырвался облегченный вздох, который нарушил короткую тишину в шатре. Косматые брови орка дернулись, но он ничего не сказал. Гхаар не собирался с ней расправляться прямо сейчас. Прикусив губу, Муавия задумалась, пытаясь разгадать, зачем и почему этот орк продолжает держать её возле себя. Его поведение должно иметь достойное объяснение? Иначе почему она все ещё не закопана в песках или брошена на растерзание его соплеменникам, которые безусловно были бы рады понаблюдать за её страданиями после своих извращенных пыток на человеческой, как они полагали, самке.

Звонкий скрежет кинжала отвлёк её от неприятных размышлений и вернул к не менее приятной реальности. Она чуть не сломала себе шею, пытаясь вывернуть её так, чтобы удачно разглядеть хоть что-то за его массивной спиной. Осознав всю бесполезность своей затеи, девушка сдалась. Гхаар, тем временем, занимался тем, что точил кинжал, схватившись двумя пальцами за рукоять. Он скользил по гладкой каменной поверхности, издавая скребущие звуки и мерцая блеклыми искрами. Муа за его спиной напряглась. Гхаар не внушал ей доверия, и то, чем он сейчас занимался, тоже. Кто знал, зачем ему понадобился этот кинжал?! По коже прошелся неприятный холодок от очередных непрошеных картинок, которые подсунуло ей её больное воображение.

И вот, мучаясь от тупого ожидания, словно преступник у трибунала, она совсем раскисла подобно молоку под солнцем. Устав от затянувшейся борьбы, боли и унижения, она, скручиваясь в углу, молила Бога подарить ей наконец-то спокойные, полные бесконечного умиротворе-

ния дни. Да, ей хотелось отчаянно жить, как раньше, под крылом заботливого деда и чувствовать себя в абсолютной безопасности. Но его нет, а единственный оставшийся у неё близкий человек далеко отсюда, где-то высоко на небесах, в месте, которое когда-то было ей домом. В груди зудело, а глаза щипали от не пролитых слез. Она держалась, словно маленький, но храбрый воин. И когда Гхаар встал, она вскочила за ним, выискивая глазами хоть что-то тяжелое, но рядом не оказалось ничего. Разочарованно поджав губы, она перевела испуганный взгляд на орка и замерла. Его зеленый, словно болотная тина, глаз изучал её лицо не моргая. Несмотря на заостренные клыки, выступающие из-под нижней губы, мощные челюсти, крупный, скрученный нос, выпуклый лоб, косматые брови и близко посаженные глаза, он выглядел почти по-человечески, почти не как уродливый зверь.

Гхаар шагнул вперёд, вынудив её оторвать взгляд от его лица и отступить, столкнувшись голыми стопами об острые железные стяжки. Она болезненно зашипела, опустив взгляд на оцарапанную ступню. Порез был неглубоким, но длинным. За всем этим девушка пропустила момент, когда орк успел уничтожить то небольшое расстояние, которое их разделяло. Она уловила уже знакомый ей аромат: кожи, песка и мужского пота на опасной близости от себя. Он буквально ударил ей в ноздри, от чего она была вынуждена откинуть голову от неожиданности и вцепиться в его один-единственный, горящий одному ему ведомым чувством, глаз. Возможно, его душу прожигал гнев (если она, конечно, у него все же была) или отвращение, с которым на неё взирали сверху вниз его соплеменники. Глотнув тяжелый ком, застрявший в горле, она потрясенно разглядывала мужчину, опустила взгляд на его грубые пальцы, когда они до боли сжали её предплечье. Безусловно, останутся синяки, как на запястьях от ремня. В какой-то момент он грубо всунул ей в руки кинжал, поточенный им саморучно не менее чем минуту назад.

Муавия часто заморгала, прожигая огромными серыми глазами тёплый металл у себя в руках. Всадить ему в грудь острый наконечник и сбежать стало её навязчивой идеей, но вряд ли он ему сильно навредит с такой толстой кожей. Криво усмехнувшись своим мыслям, она стиснула рукоять кинжала в ладони и нерешительно подняла взгляд на орка. Вопрос «почему», вероятно отразился на её лице, но он, что не удивительно, ничего не ответил, покинув шатёр.

Муавия даже не заметила, как в помещение вошла орчанка, поставила возле неё поднос с едой и питьем и принялась доставать что-то из сундука, ворча себе проклятья под нос. Девушка немигающим взглядом смотрела на свои пальцы, которые все еще помнили жар, грубость и шершавость его касаний. Она очнулась, только лишь когда чьи-то тяжелые руки опустились ей на плечи и сжали их, не больно, но достаточно, чтобы принести дискомфорт. Муавия вздрогнула от неожиданности, подняв свои большие, словно у олененка, глаза на уже знакомую орчанку. Кинжал все еще согревал ей ладони. Не заметить оружие, сжатое между её пальцами, было невозможно, но женщина не собиралась его отбирать. Знала, что это был подарок — подарок от вождя. И лишь когда огненный шар над землей опустился под пески, уступив место на небосводе яркому полумесяцу, Муавия осознала, что стальной кинжал, лёгкий, как перо, удобно умещающийся в её маленькой ладони, — свадебный выкуп Гхаара. Цена, за которую он заплатил, чтобы сделать её своей женщиной.

Шадри, так звали орчанку, которая заботилась о ней, готовила ее к свадебному ритуалу, повесив на неё бусы из маленьких черепов летучих мышей и костей грызунов. Муа, все еще находясь в неведении о предстоящем событии, активно сопротивлялась внезапно проявленной щедрости орчанки, но сдалась, стоило той зарычать, обнажив ряд своих желтых зубов, двое из которых — острые клыки. Затем женщина облачила её в полупрозрачную сеть из металла, накинутую поверх топа и юбки, которые Муа надела утром. Девушка не возражала и с радостью приняла подарок. Платье доходило ей до щиколоток и более или менее прикрывало обнажённые участки кожи, которые приличные женщины обычно скрывали от мужских взглядов.

Подобное одеяние нередко встречалось на иллюстрациях в старинных фолиантах по истории, повествующих о жизни людей. Возможно, оркам эти вещи достались после битвы с представителями этой расы — и теперь Шадри решила позволить Муа носить нечто, что напомнило бы ей о доме. Это было… мило с её стороны, даже если данный жест предусматривал иной контекст. Вечером орчанка, подкрасив девушке глаза сурьмой, что было ещё более неожиданно, чем подарок Гхаара, вывела ее из шатра и повела к горящим неподалёку кострам, где, кажется, собралось все стойбище. Их сопровождали те же самые орки, что утром приводили ее к вождю, который за весь день, к облегчению Муавии, не объявился больше в шатре.

Каждый шаг навстречу толпе зелёных чудищ отдавался в голове глухим эхом, отчего виски начинали пульсировать от боли, а мысли метались в панике и ужасе. Усердные старания Шадри наконец обрели форму, объясняя ей причину её странного поведения. Она её к чему-то готовила. Зрачки сильфиды округлились, оттесняя радужку глаза, в котором отражался огонь, захватывающий необычную конструкцию из лысых и тонких веток высотой десять футов.

Понимание отразилось в её глазах, и она отступила, столкнувшись спиной с одним из сопровождающих ее орков. Отскочив в сторону, девушка потянулась холодными пальцами к кинжалу, согревающему бок, но не успела даже дотянуться до него подушечкой указательного пальца, как Шадри схватила её за предплечье и насильно потянула к взревевшей толпе. Страх буквально затуманил ей разум. Она чувствовала ледяное дыхание смерти за спиной, горячие языки горящего костра на пятках и яростный рев орков, обещающий ей самые болезненные и мучительные минуты перед тем, как дух покинет её тело. А сетчатое платье, которое издавало глухой лязг при ходьбе, обжигало кожу, хотя огонь все еще не нагрел её металл и все еще осыпал холодом, каким был воздух этой ночью. Муавия не удержалась от нервного смешка, представляя свои обугленные кости, облаченные почерневшим от химического окисления и золы металлом.

Сердце девушки гулко стучало где-то на уровне горла, перед глазами кружили темные пятна, а лицо медленно заливалось горячими слезами. Тело бил жуткий озноб, зубы стучали друг об друга не от холода, а от ледяного ужаса. Она была близка к тому, чтобы упасть в обморок перед перед толпой злорадствующих над ее участью орков. И мозг среагировал, сузив мир до щёлочки, где существовала лишь она и её отчаяние. Голоса потеряли четкость, стали плоскими, лишенные смысла, а силуэты вокруг утратили резкость, смешались в одно большое размытое пятно. Она наблюдала за собой со стороны, сквозь черно-белую пелену мозаики.

Шадри уверено вела её за собой, а она двигалась на автомате, медленно, шатаясь из стороны в сторону, словно пьяная. Орчанка обогнула горящий костер и усадила её на высокий каменный выступ, накрытый шкурами животных. Опасность миновала, но она все находилась в мертвом оцепенение, из которого её вытянула резкая боль в руке. Она дернулась, оборачиваясь на мужчину с обнаженным торсом, что покрывали многочисленные шрамы, едва скрывающиеся под тёмной растительностью. Горячая ладонь орка сильнее сжала её плечо. Он сидел рядом с ней, его мощное бедро упиралось в её колено, которое по сравнению с его выглядело как тощий черенок. «Своеобразная параллель», — мысленно отметила она, переведя хмурый взгляд на орка.

Он выглядел странно… Его веки были подведены кохлем — точно так же, как и её, — против воли привлекая чужой взгляд. На лице, покрытом рубцами, горел одинединственный зелёный глаз, цвета болотной тины, а другой — белый, водянистый… Он напоминал о его личной потере и боли. Напоминал о силе. Ему, наверное, пришлось нелегко, чтобы сохранить своё влияние перед народом. Она примерно понимала, какая у орков жёсткая иерархия и конкуренция за власть. Слабые гибнут, сильные выживают — до встречи с более могущественным соперником. Нет, ей не было его жаль. Она просто почувствовала… уважение к нему — за ту цену, которую он заплатил, чтобы остаться у власти. К сожалению, у неё так не получи-

лось: может, потому что она выбрала более лёгкий путь и сдалась, хотя должна была бороться, подобно ему… когдато.

Гхаар прищурился, словно прочитал её мысли. Муавия тряхнула головой. Разве он мог?! А потом он медленно привстал и потянул её вслед за собой. Она подчинилась, покосившись на порозовевшие отметины на теле от его прикосновений.

К ним приближался тощий, сгорбившийся орк, опирающийся на деревянный посох. В его свободной руке лежала глиняная чаша, наполненная яркокрасной жидкостью. «Кровь», — догадалась она, поморщившись от отвращения. Это, конечно, не скрылось от зоркого глаза орка, нависшего над ней угрюмой тенью. Дрожащая рука старца протянула ёмкость прямо в огромную руку вождя. Тот, бросив на неё насмешливый взгляд, выпил из неё. Или ей показалось?!

Муавия смутилась, поражённая тем, что ей довелось увидеть. Неужели этот мрачный орк впервые посмотрел на неё не с пренебрежением? А потом настала её очередь. Прочитав привычную угрозу в глазах своего вождя, она приняла из его рук глиняную чашу. На мгновение их пальцы соприкоснулись — и она дрогнула, словно её пробило ударной волной. Застигнутая врасплох реакцией своего тела, девушка, проглотив желчь, подступившую к горлу, сделала маленький глоток и откашлялась. Но времени одуматься Гхаар ей не дал: насильно влил остаток вязкой жидкости ей в горло. Она не успевала заглатывать кровяные сгустки — за ними поступали следующие, и часть из них попала в дыхательные пути. Она согнулась, инстинктивно постукивая грудь маленькими кулачками, чтобы не захлебнуться.

— Создатель… — в перерыве между кашлем просипела девушка. В уголках её глаз застыли слёзы.

Толпа довольно загудела. Шаман, не теряя ни минуты, провёл глубокие надрезы на ладонях пары, а потом сцепил их ладони, смешивая кровь. Муавия едва сдержала вскрик, но позволить себе слабину снова она не могла. Её рука, пульсируя от боли, мгновенно утонула в чужой — той, что была в три, если не в четыре, раза больше. Она пыталась выдернуть пальцы, но вождь в ответ лишь сильнее сдавил их в своих. Муавия, красная от ярости, всё равно не успокаивалась, отчётливо помня, как он поступил с ней пару минут назад. Лишь услышав глухой

хруст своих костей и собственный болезненный крик, утонувший в шуме празднующих орков, она неохотно сдалась. Эта битва изначально была проиграна.

Капли их крови, слившиеся в одно целое, упали в ёмкость, протянутую шаманом. Внутри неё горели травы: колоцинт, отражающий начало нового пути через боль; верблюжья колючка, символ крепкого и долгого союза; пустынная полынь, которую Муавия тут же распознала по запаху. Огонь в ёмкости всколыхнулся ярче, и на уродливом лице старца промелькнуло подобие радостной улыбки — скорее ехидный оскал.

— Духи благословили ваш брак, вождь Гхаар, сын Кроггара, племени Драк Барр! — завопил он так громко, чтобы каждый орк в этом стойбище услышал его голос.

— Слава вождю! — зарычали из толпы в ответ на возглас шамана. А потом бросились бить себя в грудь кулаками и рукоятями тесаков, показывая всю свою преданность через боль.

Муавия поспешно отвернулась, не выдержав вида этого пугающего зрелища. «Дикари!» — возмущённо проговорил её внутренний голос. К её облегчению, Гхаар опустил её руку, и она на ватных ногах вернулась к своему каменному помосту. Присев на мягкие шкуры, сильфида, едва оставаясь в сознании, устало опустила веки на окровавленную ладонь и замерла, заворожённо наблюдая, как на её правом запястье волшебным образом проступили тусклые знаки. «Брачные татуировки…» — пришло к ней осознание, которое буквально выбило почву изпод её ног. Муавия почувствовала, что задыхается. И если бы не Шадри, с звонким стуком опустившая стакан на каменный стол перед её носом, она бы и вправду с позором упала ничком, свесив ноги над помостом.

— Грук! — зарычала та возле её уха.

— Пиво? — догадалась Муавия, дрожащими пальцами вцепившись в деревянную рукоять стакана.

6 глава

Она замужем за орком — за большим, зелёным, уродливым варваром, который с упоением пил кровь и наслаждался чужой агонией. Высшие силы благословили этот брак, и тусклые узоры на их запястьях — тому подтверждение. Трясущимися руками девушка обнимала деревянную кружку с пивом, торопливо глотая горьковатую жидкость, вопреки желанию организма выблевать её обратно. Она чувствовала, что если не сделает этого — не выпьет пьянящий напиток до последней капли, — то умрёт от напряжения и тревоги. Ей нужно было расслабиться любой ценой. И это правда помогло.

В груди внезапно потеплело, и это тепло растеклось по телу приятной волной до самых кончиков пальцев. Кружка с грохотом упала на стол, и она откинулась на спинку импровизированного кресла, накрытого шкурами диких животных, наблюдая за кружившими в диком танце орками. На уголках её глаз собрались крупные солёные капли, и она вытерла их тыльной стороной ладони, чувствуя, как плечи трясутся от… нет, не плача. От дикого, непрекращающегося смеха. Она не могла его контролировать — он непроизвольно вырвался из её груди.

В тот момент к ней пришло тупое осознание: не изгнание в пустыню из прекрасного Инральда — истинное наказание, которому подверг её Сириус, а эта судьбоносная встреча с вождём, этот проклятый брак. Как бы злорадствовал царь, узнав о том, что бывшая невестка, высосавшая магию из его сына досуха, теперь замужем за диким, необразованным чудовищем, которому, чтобы её убить, не стоило прикладывать больших усилий. О, это была его лучшая месть за единственного сына.

— Грук! — Шадра бросила на неё понимающий взгляд, наполнив стакан очередной порцией вонючего пойла, чей цвет напоминал тёмножёлтую мочу.

Муавия скривилась, подумав, что ей, возможно, это показалось. Разум, помутнённый изза выпитого напитка, мог сам нарисовать это в её голове. Подобная версия казалась более правдоподобной, чем то, что ненавидящая людской род орчанка могла ей посочувствовать. Приняв кружку из рук женщины, она всё же не поднесла её к губам, а лишь опустила на острые коленки.

Безумная улыбка спала с её лица, когда Гхаар вернулся на помост. Его присутствие спугнуло всю лёгкость, что окутала её ранее. Она напряглась, до посинения сжав пальцы на гладкой поверхности дерева. Но он не обратил на неё внимания, расслабленно наблюдая за празднующей их свадьбу толпой.

А девушка, воспользовавшись этим, смерила его долгим, оценивающим взглядом. Хмель придал ей щепотку смелости, и вот её глаза уже скользят по его длинным тёмным волосам, заплетённым в тугие толстые косы, опускаются на широкие бугристые плечи, под которыми перекатываются мускулы каждый раз, когда он поднимает стакан с пивом, поглаживает обросшую щетину на подбородке и чуть наклоняется вперёд, чтобы лучше рассмотреть бои, завязавшиеся между орками.

Муавия проследила за его блестящим взглядом и сильнее сжалась в кресле, поражаясь нечеловеческой жестокости, с которой орки набрасывались друг на друга с тяжёлыми топорами. Этой ночью пролилась кровь не одного молодого орка, и каждую алую каплю, упавшую на песок, сопровождал дикий, жаждущий большего рев толпы. Она не отводила взгляда, чтобы напомнить себе, с чем ей придётся столкнуться в ближайшем будущем и чего стоит ожидать от орков, проживая с ними на одной земле. А с коекем ей придётся делить постель, еду, кров, свои годы. Эта мысль отрезвила её затуманенный изза алкоголя разум, и она взглянула на него поновому. Нет, Гхаар попрежнему оставался кровожадным варваром, силой навязавшим ей

этот брак. Но теперь он — муж, единственный мужчина в её жизни, у которого она будет искать защиты от опасности, и плевать, что он первый, от кого она могла исходить.

Бросив на него взволнованный взгляд, она отложила стакан с пивом на стол и замерла, встречаясь с его сосредоточенным, оценивающим взором. Он анализировал её, читал её как открытую книгу, наблюдая, как стремительно сменяются эмоции на её лице. Он наблюдал за её реакцией, словно это была сухая, холодная проверка её силы и твёрдости характера. Его взгляд был лишен похоти и физического влечения. Сильфида удивлённо приоткрыла рот, осознав, что как женщина она совсем его не интересовала. Следовательно, не она одна была обременена этим браком. Если вспомнить, муж не выглядел особо счастливым, когда сплетал с ней пальцы, а его единственный глаз не горел от желания, когда он смотрел на неё с высоты своего роста. Тем не менее теперь они — муж и жена, которых связывал нерушимый магический брак. Брак, лишенный любви и плотского влечения. Станет ли Гхаар консумировать их супружеские отношения, не желая её в своей постели?! Вероятность того, что он не станет этого делать — есть, пускай размером с горошек. Тихая радость робко коснулась её сердца, вселяя в неё надежду. Окрылённая этой догадкой, девушка даже не обратила внимания на орчанок, соблазнительно покачивая крупными бёдрами, направляющихся прямо к ним.

Из своих размышлений девушку вывел грудной смех одной из орчанок, которую вождь к тому моменту грубо посадил к себе на колени, позволяя чужим ловким рукам блуждать по своему торсу, спуститься ниже пупка и через ткань обхватить… Муавия изумлённо раскрыла веки, наблюдая, с какой безмятежностью он наблюдает за действиями женщины, облачённой в короткий топ, из которого буквально вывалилась грудь, и юбку, едва прикрывающую срамные места.

Сильфиду обдало жаром, когда к её ласкам присоединилась ещё одна, почти полностью обнажённая орчанка. Она сидела возле ног своего вождя, издавая громкие вскрики каждый раз, когда грубые пальцы вождя сжимали её оголённые округлости. Не в силах больше наблюдать за этой оргией, Муавия отвернулась. Её щёки непроизвольно покраснели от стыда, когда до её ушей дошёл очередной женский стон удовольствия. «Невыносимо!» — завопил её внутренний голос, пока разум сам подкидывал непристойные картинки. Орки не знали никаких приличий! Мерзость. Никого из присутствующих не смущало прилюдное представление двух полуобнажённых орчанок, словно это было давно устоявшейся нормой.

Муавия глазами нашла силуэт Шадры неподалёку от помоста, в окружении шамана и двух пожилых орчанок. Было ясно, что они о чёмто оживлённо спорили. Она, словно почувствовав её взгляд на себе, развернулась к ней лицом и, моментально всё поняв по выражению лица, яростно бросив собеседникам чтото напоследок, поспешила к своей подопечной. Впервые Муавия была рада её видеть, что едва не прыгнула ей в объятия. Шадра, покосившись на вождя, вальяжно развалившегося на шкурах в окружении своих наложниц, помогла его жене подняться и не упасть на покосившихся ногах после всего пережитого стресса. Гхаар кивнул замершей в ожидании орчанке, и та, получив разрешение, увела её прочь из места празднества в шатёр вождя. От Шадры не скрылось, какой удивлённой и разочарованной была супруга вождя.

— Не стоит ожидать от мужа верности, госпожа, — впервые вежливо обратилась к ней женщина, вызвав недоумение на лице девушки. Та, безусловно, ничего не поняла из её слов, но почувствовала поддержку, какой бы непривычной она ни была. — Ничего, скоро ты всему научишься! — пообещала ей женщина, свободной рукой раздвинув плотную ткань в сторону.

Муавия, бросив на орчанку благодарный взгляд, упала на мягкие шкуры и в тот же миг стянула с себя сетку, что весь путь туда и обратно тянула её вниз. Больше она не наденет её на себя. Шадра помогла ей умыться, привести в порядок волосы, обмазаться приятно пахнущим кремом из местных трав, которых, безусловно, было в дефиците, и предложила очередной кусок валяного мяса, от которого сильфида стремительно отказалась. А потом Шадра неодоб-

рительно покачала головой и ушла, вернувшись через некоторое время с кожаным мешочком. Она высыпала его содержимое себе на ладонь, а потом, как бы показательно, отобрала из него пару затвердевших капель и подложила себе под язык.

— Манна джантака, — объяснила орчанка, наслаждаясь её сладким вкусом. — Ослабит боль, — указав на живот, добавила она. — Гхаар грубый в постели, как и все орки.

Муавия замерла, медленно заливаясь краской стыда. Она всё поняла. Всё это время Шадра готовила её к брачной ночи. Бросив взгляд на полупрозрачные зёрнышки в её ладони, она обречённо прикрыла веки. Сильфида всё ещё не смирилась со своим статусом жены и, естественно, не была к этому готова, как и к тому, что он за собой подразумевает. Перспектива разделить супружескую постель с орком до смерти её пугала. Смутная надежда на то, что всё обойдётся, разбилась на миллиарды осколков, когда в шатёр вошёл вождь.

Шадри, молча вложив в её ладонь манну, склонила голову перед вождём и покинула молодожёнов, оставив их наедине впервые за долгое время. Муавия, сжав в своей потной ладошке мелкие зёрнышки, трусливо опустила глаза, боясь взглянуть на мужа и увидеть там… что?! Собственный приговор. Глотая собственные слёзы, она сильнее стиснула дрожащими пальцами зёрна, обещавшие ей физическое утешение от предстоящего унизительного соития с мужем.

Гхаар обогнул её трясущееся от нервного напряжения тельце, с грохотом положил топор на сундук позади неё и стянул с бёдер набедренную повязку. Муавия зажмурилась, вслушиваясь в шорох его одежды. В тот миг она всё поняла. То, чего она так боялась, — неизбежно. Он возьмёт её, даже если её тело его не привлекает, даже если она ему противна, даже если некоторое время назад его уже развлекли две большегрудые орчанки. Конечно, это так. Он не будет у неё спрашивать, хочет ли она этого. Нет, Муавия не смирилась, просто приняла неизбежное, проглотив собственную гордость вместе с зёрнами джантака. На вкус манна была как мёд — сладкая, слегка вяжущая, оставляющая мягкое, терпкое послевкусие, но в тот момент её сладость не принесла ей гастрономического удовлетворения. Муавия с трудом удержалась от того, чтобы выплюнуть зёрна обратно, достать изза пазухи кинжал и вонзить его в сердце орка. Она не стала этого делать, потому что знала: не выиграет, потерпит поражение и падёт… снова.

Крепче зажмурив веки, она выпрямилась, словно натянутая тетива. Пульс отдавался гдето в горле, в ушах застыл гул, а перед глазами всё поплыло, и она со всех сил схватилась дрожащими пальцами за мягкие шкуры, чтобы не потерять равновесие и удержать себя от падения. Гхаар грубо схватил её за косу и потянул на себя, вынудив её с глухим стоном вскочить на ноги. Её отросшие ногти вцепились ему в запястье, оставив тонкие кровавые следы на оливковой коже, но он даже не дрогнул.

— Отпусти! — подорвавшись на крик, плача, попросила она.

Муавия полагала, что сможет мужественно принять свою участь, однако переоценила собственные силы. Её крики и мольбы остановиться не возымели действия — он попрежнему сжимал в кулаке её волосы, стягивая их на затылке. А потом притянул её так близко, что их лица оказались в опасной близости друг от друга. Его горячее дыхание распалило воздух возле её лица и обожгло щёки и шею. Их взгляды столкнулись в молчаливой борьбе, и её захлестнула животная ярость, когда она прочитала в его взгляде какоето немое ожидание, смешанное с презрением. Она, до конца не осознавая собственных действий, замахнулась, но её ладонь так и не дошла до цели, а повисла в воздухе.

Из её груди мгновенно вырвался болезненный вскрик, когда он до хруста сжал её тонкое запястье и бросил её у своих ног, словно какогото жалкого щенка. Она попыталась отползти в сторону, прижимая больную руку к груди, но не смогла. Его ладонь грубо притянула её к себе за щиколотку, вынудив девушку издать очередной болезненный вскрик. В следующий миг он рывком разорвал единственную имевшуюся при ней одежду и бросил обрывки ткани в сторону.Муавия лежала перед ним совсем обнажённая и тихо всхлипывала, прикрывая голую грудь

трясущимися руками. Всё её тело дрожало от страха, словно тростник на ветру. Гхаар склонился над ней, недолго изучая её тощее тело, покрытое синяками и ссадинами. Острые рёбра выступали под её кожей, что напоминало ему иссохший человеческий труп. Он, как и ожидал, не нашёл для себя в ней ничего привлекательного. Едва заметные холмики, которые она так старательно прикрывала, лишь отдалённо напоминали упругие женские груди. А тощие, скрещённые ноги, лишённые хоть какогонибудь мяса… Он боялся, что сломает их, как только коснётся их своей толстой тяжёлой ладонью. Бросив беглый взгляд на тонкие запястья, которые он и в правду едва не сломал, не рассчитав силу, вождь зарычал, проклиная пророчество Нок Дарра, шамана Хагга и всё остальное.

Она вздрогнула, сжавшись в маленький комочек. Нижняя челюсть девушки дрожала, так что он слышал скрежет зубов, разбавлявший тишину в их шатре вкупе с её прерывистым дыханием. Он ощущал запах страха, исходивший от неё, и эта вонь лишь распаляла его ярость. Его пальцы грубо дёрнули её за подбородок, когда она попыталась отвернуться, зарывшись носом в шкуры.

— Смотри на меня, жена, — выплюнул он ей в губы резким, не терпевшим ослушания тоном. И плевать ему было, что она ни черта из его слов не понимала.

Но Муавия, даже если бы захотела, не смогла бы этого не сделать, так как он крепко держал её, надавливая большим пальцем на скулу так, что утром, несомненно, на том месте появятся фиолетовые следы. Это было невыносимо. Прикусив губу до крови, она перевела отрешённый взгляд ему за плечо, всё ещё не решаясь снова взглянуть мужу в лицо. Она погибала каждую секунду, находясь под его тяжёлым, обнажённым, как и её само, телом, и ожидала худшего. Сильфида не знала, что было ужаснее — это мучительное ожидание или сам процесс. Проглотив желчь, подступившую к горлу, она зажмурилась, когда его шершавая ладонь коснулась её бедренных косточек и сжалась с такой силой, что она чуть не задохнулась от слепящей боли. Да, именно так.

Перед глазами возникла ослепительная белая вспышка, её спина неестественно согнулась, и она услышала свой крик, как будто через толщу воды: глухой, едва узнаваемый. Она попыталась снять с себя чужую ладонь, но она не сдвинулась ни на миллиметр. Его пальцы, покоившиеся на её щеке всё это время, спустились, скользнув по груди вниз, к животу, а потом дотянулись до ног и с силой раздвинули их в сторону, вынудив её поморщиться от очередного приступа боли.

— Гхаар, — взвыла девушка, когда он надавил ей на живот и без особых усилий раздвинул ноги ещё шире. — Прошу тебя, не надо…

У неё никогда не было мужчины, но она смутно понимала, что её ждёт. Гхаар слишком крупный для неё по всем параметрам. Эту ночь ей не пережить.

— Я хочу видеть твои глаза, — нависнув над ней, зарычал он ей в самое ухо в ответ на её мольбы, утонувшие в собственных громких всхлипываниях.

Она подчинилась — будто неведомая сила заставила её поднять на него расфокусированный взгляд серых глаз, что так сильно напоминал ему клинок, подаренных им ей этим утром. И Гхаар одобрительно рыкнул, впервые за всё время. Он, также не отводя взгляда, поудобнее устроился между её ног и сделал первый рывок вперёд, грубо толкнувшись в неё. Внутри было невыносимо узко и горячо. Из его груди вырывался стон удовольствия, когда он разорвал возникшую преграду и ворвался глубже. Ему понравилось, вопреки её внешней непривлекательности. Муавия согнулась, сгорая от жгучей боли. Из её горла вырвался животный крик, и она вцепилась пальцами в шкуры под собой, желая умерить невыносимую боль, но ничего не получалось.

Гхаар не останавливался, разрывая её изнутри на части. Вспышка невыносимой боли ослепила её, и она упала в темноту, пока муж не вытянул её оттуда, с силой сжав ладонь на её тонкой шее. Её помутневший взгляд упал на золотистые всполохи на его запястье. Ей понадо-

билось не больше минуты, чтобы в её помутневшем сознании промелькнуло глухое понимание: брачные татуировки приобрели чёткие очертания, что означало консумирование брака. Она невидящим взглядом перевела взгляд на собственное запястье и издала сдавленный вздох. Золотистые узоры выглядели так естественно на фоне её бледной кожи, вопреки всей абсурдности ситуации. Она часто заморгала, пытаясь смахнуть подступившие слёзы.

Орк, совершив последний рывок, с глухим рыком навалился рядом с ней на тёплые шкуры и собственнически прижал её тощее тело к своему боку. Муавия вздрогнула, когда его пальцы скользнули по лопаткам, ощупывая её толстые, уродливые шрамы, опустились к позвоночным костяшкам и добралось до ямок Венеры. Она лежала, уткнувшись носом ему в грудь, едва дыша. Его сердце ровно билось под её ладонью, словно только что не он зверски насиловал свою жену, игнорируя её жалобные просьбы прекратить это.Всхлипнув, девушка попыталась вывернуться из его крепких, душных объятий, но потерпела поражение, наоборот, ещё сильнее запутавшись в его руках. Вскоре он уснул, о чём говорило его ровное дыхание.

Муавия немигающим взглядом прожигала его обросшую тёмной растительностью грудь, поражаясь, как такой крупный мужчина не убил её после этой ночи. Сморщившись от саднящей боли между ног, она глухо застонала. Муавия думала, что не сможет заснуть, но этот день так сильно её вымотал, что спустя некоторое время она сама провалилась в темноту. Из глубокого сна её вырвала пульсирующая боль по всему телу — начиная с головы и вплоть до кончиков пальцев рук и ног. Она издала сдавленный стон, попытавшись перевернуться в постели, но не смогла. Чтото, а вернее, ктото, не позволил ей даже сдвинуться немного в сторону. Она, сквозь давящую железным обручем боль в висках, приоткрыла отяжелевшие веки и замерла, разглядывая источник тепла, что всю ночь согревал её вместо привычного пухового одеяла. С замиранием сердца она подняла нерешительный взгляд вверх и вздрогнула, наткнувшись на два торчащих кверху клыка, потом ещё выше… Он всё ещё спал, похозяйски прижимая её к себе. Обрывки минувшей ночи в тот же миг впились в сознание, усиливая нестерпимую боль в висках.

Муавия поджала губы, опустив взгляд на их скрещённые тела, полностью обнажённые и ничем не прикрытые. Её обдало то жаром, то холодом. Она не знала, куда себя деть от жгучего стыда и ужаса, и вот опять слёзы подступили к глазам, грозя залить собой всё лицо. Гхаар, возможно, почувствовал, как маленькое тело жены напряглось в его объятиях, и он проснулся, ослабив железную хватку на её теле. Девушка тут же этим воспользовалась: отползнув в сторону и морщась от боли, потянулась к своему свадебному наряду, который прошлой ночью муж разорвал в клочья. Он последовал её примеру — встал с тёплых шкур и, не стесняясь наготы, направился к сундуку, где лежала его собственная одежда и возлюбленный топор.

— Шадри! — зарычал орк, словно уже знал о том, что орчанка стоит за шатром и ждёт, пока вождь или его жена позовут её.

Муавия, прижав лоскуты своей одежды к груди, замерла, наблюдая за тем, как орчанка, опустив голову, входит в шатёр с полным подносом еды. На этот раз там было чтото из растительной пищи; и, если бы она не была так вымотана после вчерашнего, то, наверное, улыбнулась орчанке в знак благодарности. Ей, скорее всего, нелегко было найти зелень в глухой, безжизненной пустыне. Опустив взгляд на шкуры под собой, она залилась очередной волной смущения и стыда. Алое пятно размером с её ладонь окрасило некогда белоснежный мех, напоминая о том, что теперь она — женщина и жена вождя орков племени Дарк Барр.

7 глава

Муавия нервно сжимала в ледяных ладошках лоскуты своего свадебного наряда, поджав к груди худые ноги, сплошь покрытые красными отметинами. Ей больше нечем было прикрыться. Шадри поприветствовала её лёгким кивком головы и положила рядом поднос с едой, на котором были аккуратно сложены тонкие лепёшки землистого оттенка, несколько фиников и приятно пахнущий отвар из сушёных корней. Гхаар ей чтото сказал, бросив угрюмый взгляд на жену, и орчанка поспешила прочь из шатра. Жаль, что сильфид не обучали языкам низших рас, и она ничего не поняла из их короткого разговора.

Тяжело сглотнув, Муавия испуганно покосилась на мужа, опустившегося напротив неё. Он упёрся ладонью в своё мощное бедро, чуть наклонился вперёд, отобрал с подноса лепёшку, а потом, разломив её надвое, протянул часть ей. Девушка неловко приняла с его рук угощение и смутилась, когда её живот издал утробное урчание, намекая на то, как давно она не принимала пищу. На одной грязной воде не проживёшь долго, тем более в долине орков, где каждый день — смертельное испытание, требующее огромных сил и терпения. Для того чтобы поддерживать в теле здоровый дух, необходимо употреблять хоть немного нормальной еды. Иначе как найти в себе силы пройти через все трудности, которые сулил грядущий день в роли жены вождя?!

Гхаар фыркнул, но ничего не сказал, когда она смущённо опустила руку на живот. Его лоб разгладился, и он принялся активно уплетать угощения, заботливо приготовленные Шадри. Косточки от фиников он выплёвывал прямо на поднос, вызывая у неё приступ отвращения. Муавия поджала губы, напомнив себе, что он дикарь, а таким не знаком столовый этикет. Ей придётся смириться с отвратительными привычками мужа, чтобы не сойти с ума раньше времени. Одной рукой придерживая обрывки ткани, другой осторожно прикусывая почти деревянную лепёшку, она размышляла над тем, как скоро у неё получится освоиться в племени орков. Существует ли вообще жизнь за границами этой пустыни?! В древних летописях писали о большом количестве рас, проживающих на земле, но кроме орков здесь она никого не встретила.

У неё был такой сосредоточенный взгляд, когда она медленно откусывала горькую на вкус лепёшку, что это не скрылось от зоркого глаза Гхаара. Он, взирая на неё исподлобья, отхлебнул из глиняной чаши тёплый отвар, что разносил приятный аромат по всему шатру, и протянул руку к жене, резко подцепив её подбородок двумя пальцами. Она испуганно вздрогнула, с трудом проглотив еду, которая, расцарапав пищевод, упала в желудок тяжёлым камнем. Прищуренные глаза мужа, отягощённые массивными надбровными дугами и густыми тёмными бровями, придавали ему суровый облик, и от этого взгляда по её спине прошёл холодный озноб, а на лбу выступили мелкие бисеринки липкого пота.

Воздух в комнате ей показался невыносимо тяжёлым, так что она едва не задохнулась, пытаясь втянуть хоть немного кислорода. Её глаза опустились на его большой палец, который болезненно надавил ей на нижнюю губу, вынудив раскрыть рот. Она не сопротивлялась, подчиняясь воле своего мужа изза собственной трусости. Опасность, которая исходила от него… Она чувствовала её на физическом уровне, а воспоминания о минувшей ночи лишь усиливали этот эффект.

— Теперь ты моя жена, ведьма, — прорычал он, схватив свободной рукой её трясущееся запястье, а потом поднял его, глазами указывая на её брачную татуировку. Точно такая же была и у него. — Духи сотни лет не заключали магических браков. Это значит, что шаман не соврал, когда говорил, что ты родишь мне сильного сына. — Он изъял из подноса горсть фиников и протянул ей. — Хорошо питайся, чтобы вынести в своём чреве моё семя. Не верти

носом, когда Шадри приносит тебе мясо, и не вздумай бунтовать. Твоё тело слабее и меньше, чем у восьмилетнего орка, — скользнув глазами по её нагому телу, яростно добавил он.

Муавия заметила, каким взглядом муж изучал её худощавую фигуру, и его пренебрежение в голосе задело её самолюбие. Она знала, что в его глазах выглядит уродливой, тощей и какойто дефектной, так как он, скорее всего, привык к более пышным формам, какими обладали те две орчанки, прилюдно ублажавшие его в день их свадьбы. Но не она заставляла взять его себя в жены. Ей и самой не хотелось в мужья варвара! Девушка уже настроилась на то, чтобы озвучить вслух свои мысли, пускай он и ни черта бы не понял, как он уже втолкнул ей в рот горсть фиников.

— Ешь! — приказал он, слегка почесав обросшую щетину. — Эти плоды помогут тебе зачать и вынести моего сына.

Однажды сильфида уже слышала это «ешь» от мужа. Нетрудно было догадаться, чего он хотел. Его желание затолкать ей в рот всю гадость, которую орки называли едой, вызвало у неё бурю негодования. И этот глаз! Он засверкал от удовлетворения, когда она демонстративно с остервенеем начала жевать сладкий фрукт. Вкус, безусловно, был потрясающим, и появившееся замешательство на её лице от этого осознания позабавило орка.

Его мясистые губы раскрылись, обнажая ряд кривых, желтоватых зубов с двумя выступающими кверху заострёнными клыками. По шатру пронёсся дикий гогот, больше походивший на рычание зверя. Впервые за всё время, которое они провели вместе, он… улыбнулся ей. Нет, больше — засмеялся?! Негодование на её бледном лице тут же заменило «культурное» потрясение. Она слышала, как орки смеялись и веселились вчера вечером, но за всё время Гхаар ни разу не позволил себе даже лёгкой улыбки. Муавия предполагала, что он просто не умеет или не знает, как это делается, но сейчас муж доказал совсем обратное. Лучше бы не стал этого делать. Как он смеет веселиться после того, как растоптал её гордость и лишил чести?! Из её горла вырвался нервный смешок, и она, чувствуя себя чистым посмешищем, сердито сплюнула косточки ему прямо в ладонь, которую он всё ещё держал возле её лица. Смех Гхаара сошёл

на нет. Он сжал в руке влажные от её слюны косточки и посмотрел на неё внимательно, без осуждения.

— Колючая ведьма, — фыркнул он, свободной ладонью грубо потрепав её мягкие, спутанные после дикой ночи волосы. А потом придвинул чашу с отваром, из которой медленно поднимался почти прозрачный пар. Он струился вверх волнистыми линиями, излучая умиротворяющий сладковатогорький аромат.

Этот непривычно заботливый жест ввёл её в ступор, но она быстро пришла в себя, обхватив ледяными ладонями глиняную чашу и приникнув к ней губами, боясь, что иначе муж снова насильно вынудит её это сделать, приложив к этому свои грязные лапы. Он внимательно следил за тем, как она поглощает завтрак, и лишь поэтому она заставляла себя есть жёсткие лепёшки, сладкие финики и пить чуть горьковатый чай до последней капли. К её облегчению, вскоре муж принялся точить свой возлюбленный топор на гладком пустынном камне. Металл звенел, вторя украшениям в его косах, которые сверкали в тусклом свете комнаты словно горящие свечи. Его движения были расслабленными и уверенными. Мышцы под кожей перекатывались при каждом движении. А из-за духоты, висящей в воздухе, его спина покрылась тонким слоем испарины, становясь влажной и блестящей.

Муавия позволила себе расслабленно выдохнуть, когда он отвлёкся на своё оружие. Ей было всё ещё неловко находиться с ним, будучи совсем обнажённой. Это такой стыд! Пусть он ей и был мужем, это ничего не меняло.

— Вождь! — послышался голос Шадри, возвещающий о её приходе. Она, как и просил Гхаар, пришла с знахаркой и её юной ученицей.

Сильфида встрепенулась, обернувшись на источник звука. Она чуть не заплакала от радости, когда здоровая орчанка вошла в шатёр со свисающими на руках какимито тряпками. Вслед за ней в помещение проскользнули две незнакомые женщины: одна — пожилая, сгорбившаяся женщина с хмурыми, сдвинувшимися к переносице седыми бровями, а другая — юная девушка лет пятнадцати с длинными чёрными волосами и горящими от страха глазами.

Муавия, испуганно покосившись на мужа, покрылась красным стыдливым румянцем. Если перед Шадри она смогла пересилить стеснение изза своей наготы, то в случае двух незнакомых орчанок дела обстояли иначе. К тому же эти женщины были одарены честью убедиться в том, что их вождь на самом деле присвоил себе тело человеческой женщины. А осознание того, что они теперь точно знают, чем она занималась прошлой ночью, убивало её. Гхаар, поймав беспомощный взгляд жены, слегка нахмурился. Её бледное лицо пылало от смущения, а руки сильнее прижали к деликатным частям тела обрывки ткани. Дерзость, которую она проявила, сплюнув ему эти чертовы косточки в руку, пропала без следа. Ей уступил стыд, которому такому неотесанному мужлану было не понять. Она согнулась в маленький комочек, походя на запуганного ягнёнка, ощущая на себе три женских пар глаз.

В тот миг, когда он увидел сгорбленные плечи жены и холодные, презрительные взгляды женщин за её спиной, его разум поглотила ярость. Она показала свою слабость, свой страх. И это — жена вождя орочьего племени Дарк Барр, известного своей силой и суровым характером далеко за континентами! Его спина напряглась, и в единственном здоровом глазу вспыхнул огонь праведного гнева. Он схватил жену за предплечье и рывком поднял на ноги.

Она едва сдержала вскрик — не хотела выглядеть ещё более жалкой перед орчанками, которые, без сомнения, уважали силу и презирали любое проявление слабости. Сильфида прочла в его взгляде больше, чем могли бы сказать слова. Гхаар был зол на неё, и ясно почему. Естественно, он посчитал, что она позорит его своим капризным поведением. Что же её теперь ждёт?! Неужели он ударит её перед этими женщинами?! Унизит, опозорит, растопчет, словно надоедливого жука! Муавия готовилась к худшему. Она зажмурилась, готовясь к удару, который, скорее всего, станет последним воспоминанием перед тем, как она упадёт в беспамятство.

Но ничего не произошло. Загрубелая ладонь мужа опустилась на её выступающие поясничные позвонки и грубо подтолкнула к орчанкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.